

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. К.Э. Циолковского
ГОУ ДПО «Калужский государственный институт модернизации
образования»

Серия «ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ»

Т.П. Войтенко

Другой и я

Программа подготовки молодежи к семейной жизни

Методическое пособие

Калуга
2010

ББК 74.268.771
В 65

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Калужской области
проект «Духовно-нравственные основы подготовки молодежи к семейной жизни»
№ 10-06-59614 а/Ц*

Рецензенты:

М.Н. Миронова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии КГУ им. К.Э. Циолковского;

Е.Н. Калитько, директор психологического центра здоровья ГОУ ДПО «Калужский государственный институт модернизации образования»

Войтенко Т.П.

В 65 Другой и Я. Программа подготовки молодежи к семейной жизни. Методическое пособие. — Калуга, 2010. — с. — (серия «Духовно-нравственное развитие современной молодежи»).

В пособии представлена программа подготовки молодежи к семейной жизни, в основу которой положена отечественная духовно-нравственная традиция. Концептуальные основания программы заданы работами А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, Т.А. Флоренской, а также И.А. Ильина. Главным ориентиром подготовки молодежи к семейной жизни видится формирование Друго-центричной мотивационной направленности.

Материалы пособия адресованы психологам и педагогам системы общего, профессионального и дополнительного образования; также они могут быть интересны родителям взрослых детей и молодежи, серьезно задумывающейся о построении своей семьи.

ББК 74.268.771

ISBN

© Войтенко Т.П., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГРАММЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

- 1.1. Подготовка молодежи к семейной жизни как проблема.
Психологическая неготовность к семейной жизни
- 1.2. Психологическая неготовность к семейной жизни как частный случай психологической неготовности. «Сбой» в мотивационной составляющей психологической готовности
- 1.3. Этическая дезориентированность молодежи как причина «сбоя» в мотивационной сфере. Доминанта как мотивационный потенциал: Эго-доминанта и Друго-доминанта
- 1.4. Другоцентричность как необходимое условие семейного благополучия. Снятие Эго-доминанты как путь духовного возрастания
- 1.5. Духовные основы единения людей. Семья как первичная форма человеческого духовного единения

2. СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ

- 2.1. Счастье
- 2.2. Любовь
- 2.3. Брак
- 2.4. Семья
- 2.5. Структура семьи
- 2.6. Назначение семьи. Семья как «школа воспитания»

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММЫ

- 3.1. Учебно-тематический план (примерный)
- 3.2. Формы организации и проведения занятий

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Приложение 1.* Ильин И.А. Путь духовного обновления: О семье
- Приложение 2.* Практические задания и упражнения
- Приложение 3.* Материалы и сюжеты в помощь организации дискуссий
- Приложение 4.* Христианские представления о любви и семейной жизни. Анкета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кризис семьи, сопрягаясь с кризисом демографической ситуации, является острой проблемой современности. Эта проблема привлекает усилия политиков, ученых, общественных деятелей. В качестве превентивных мер первоочередное внимание уделяется молодежи — разработке разнообразных проектов и программ, нацеленных на ее подготовку к семейной жизни.

В нашей стране в последние годы правительством принят целый комплекс мер, направленных на поддержку семьи и материнства: концепция государственной политики в отношении молодой семьи, концепция демографической политики на период до 2025 года. Проект «Молодая семья России» входит в число приоритетных направлений государственной молодежной политики. На решение обсуждаемой проблемы направлены исследования и практические разработки многих ученых; нельзя не отметить вклад таких психологов и педагогов как И.В. Дубровина, В.Н. Дружинин, С.В. Ковалев, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, Б.С. Круглов, Е.Д. Марьясис, А.В. Мудрик, В.С. Мухина, Ю.М. Орлов, Т.А. Флоренская и другие.

С 1982 года в средних школах введен предмет «Этика и психология семейной жизни», имевший вначале статус обязательного, а затем — факультативного. В последние годы активно обсуждается вопрос о содержании и организационных формах подготовки к семейной жизни студенческой молодежи.

К сожалению, несмотря на все принимаемые меры, острота проблемы не снижается. Сегодняшняя молодежь отрицает традиционный уклад семейной жизни. Растет число молодых людей, ведущих совместную жизнь с партнером своего пола. В нашей стране до 3 миллионов увеличилось число молодых пар, проживающих без юридического оформления брака (в так называемых «гражданских браках»). Состояние зарегистрированных и формально полных семей отличается конфликтностью и дисфункциональностью; в результате — из десяти молодых семей, заключивших брак, девять распадается.

На наш взгляд, основным моментом, сдерживающим решение обсуждаемой проблемы, является искаженное в современном общественном сознании представление об онтологии семьи, ее «цементирующей» основе. Самым уязвимым моментом сегодняшней семьи является не слабая материальная обеспеченность и не низкий уровень знаний и умений в области семейной жизни, а недостаточная духовно-нравственная зрелость супругов (инфантильно-эгоцентрическая позиция, гедонистические установки). Исходя из этого, ключевым моментом реабилитации семьи видится оказание *психологической помощи в духовно-нравственном возрастании личности*; именно нравственное достоинство супругов является залогом прочности семьи, его цементирующей силой. Такое видение опирается на многовековые отечественные традиции подготовки молодых людей к семейной жизни.

Видение определило **цель настоящего проекта**: разработка программы подготовки молодежи к семейной жизни, в основу которой положена отечественная духовно-нравственная традиция. Концептуальные основания нашей программы заданы работами А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, Т.А. Флоренской, а также И.А. Ильина. Ключевым моментом в подготовке молодежи к семейной жизни выступает формирование Другоцентричной мотивационной направленности.

Разработке содержания и методических аспектов программы предшествовало эмпирическое исследование (на студенческой выборке региона Калужской области объемом 300 человек), целью которого являлась оценка возможности принятия современной молодежью представлений о семейной жизни, опирающихся на отечественную духовно-нравственную традицию. Результаты исследования показали, что современная молодежь *не готова принимать эти представления в качестве идеала семейной жизни, хотя может относиться к ним как к гипотезам*¹.

Исходя из этого, определялось как содержание программы, так и основная форма проведения занятий.

В выстраивании содержания программы мы стремились избежать акцентирования когнитивной составляющей отечественной духовно-нравственной традиции семейной жизни: углубления в христианскую антропологию, перегруженности иллюстрациями из жития святых и т. п. Виделось важным максимально приблизить содержание программы к тем вопросам, которые реально задает себе сегодняшняя молодежь, к проблемам, с которыми она сталкивается в своей повседневной жизни. Круг тем и логика их раскрытия выстраиваются следующим образом: «Счастье» — «Любовь» — «Брак» — «Семья» — «Структура семьи» — «Назначение семьи».

Выбор основной формы проведения занятий также определялся результатами исследования. Поскольку современная молодежь может принимать представления о семейной жизни, опирающиеся на отечественную духовно-нравственную традицию, *лишь как гипотезы*, постольку основной формой проведения занятий должна быть *дискуссия*. Для организации дискуссии видится возможным привлекать вопросы анкеты, использовавшейся в исследовании. С этой целью мы приводим ее в приложении 4.

Целевой группой, для которой задумывалась разработка программы подготовки к семейной жизни, первоначально виделось студенчество. Студенческая молодежь не только реально задумывается о построении будущей семьи, но нередко и создает свои семьи. Однако апробация программы показала, что студенчество является не единственной аудиторией, которой она может быть адресована. В круг адресатов программы могут входить и школьники старших классов, и работающая молодежь.

---

¹ Подробно результаты исследования см.: *Артемова, Т.А. Духовно-нравственные основы подготовки молодежи к семейной жизни / Т.А. Артемова, Т.П. Войтенко, С.А. Смирнова, М.С. Потолова // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Калуга, 2011.*

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГРАММЫ

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

1.1. Подготовка молодежи к семейной жизни как проблема. Психологическая неготовность к семейной жизни

Вопросам подготовки молодежи к семейной жизни, сохранению прочности семьи испокон веков уделялось серьезное внимание. Однако на протяжении многих столетий эти вопросы не имели остроты и драматизма. Они успешно решались как *будничная задача* — не напрягая мысли ученых, не будоража общественность и криминальные структуры. *Научной и социальной проблемой* они стали в конце XIX столетия.

Причиной метаморфозы обыденной задачи в острейшую проблему, по нашему мнению, является искажение в общественном сознании представлений об онтологии семьи: взгляд на нее как на *социальный институт*, точнее — *«продукт общественного развития»*. Эти представления имеют не очень глубокие корни, они стали оформляться только в XIX–XX столетиях, и даже предпосылки к этому возникли лишь в Средние века.

На протяжении многих столетий человеческой истории семья и брак считались *таинством, образом жизни, заповеданным Богом*. Заповеди семейной жизни (Быт. 2:18–24, Матф. 5:32, 1 Кор. 11:3, Еф. 5:22–28, Еф. 6:1–4, Колос. 3:18, Гал. 5:13, Мал. 2:14, Еккл. 4:9–12 и др.) как часть нравственного закона, данного Богом людям, должен был знать и исполнять каждый человек.

Исключительную роль во всех вопросах семейной жизни играла Церковь. Она не только оказывала духовное наставничество в решении тех или иных семейных проблем, в подготовке молодых людей к семейной жизни, но и освящала брачный союз, раскрывая его как путь жертвенной любви и способ служения Богу.

Важная роль в подготовке молодежи к семейной жизни отводилась доброму примеру родителей. Об этом особенно много говорилось в поучениях и наставлениях святых отцов Церкви (св. Иоанна Златоуста, св. Филарета Московского, св. Феофана Затворника, св. Николая Сербского и др.)

Кроме религиозных законов и уложений, существовали и строго действовали выработанные веками народные обычаи и обряды, регулировавшие как добрачное поведение, так и правила семейной жизни. Они предписывали поведение вплоть до мелочей. Отечественные представления о народных обычаях и традициях сохранены в выдающемся памятнике древнерусской культуры — «Домострое».

Государство в вопросах семьи всячески поддерживало линию Церкви, укрепляя ее авторитет. В качестве примера сошлемся на такие сохранившиеся в русской истории источники как «Почтение» Владимира Мономаха, «Сочинения» Симеона Полоцкого.

Секуляризация общественной жизни (ее «обмирщение»)², начавшаяся в Европе с конца XIII века, а в России с XVIII века, привела к снижению роли Церкви в вопросах семейной жизни и брака. Брачные союзы стали узакониваться государством. Первые гражданские браки были заключены в Нидерландах в XVI веке.

Снижение роли и авторитета Церкви в жизни семьи привело к возникновению ее сильнейшей зависимости от социально-исторических процессов. Семья стала *«ячейкой общества»*, пропускающей через себя все его деформации. В последние столетия институту семьи пришлось принять на себя нагрузку многих общественных катаклизмов: мировых и гражданских войн, технических революций, экономических кризисов...

Кризис института семьи стал остро ощущаться на рубеже XIX–XX столетий. Трудности семьи обозначились настолько явно, что возник научный интерес к проблемам

---

² Секуляризация — от позднелатинского *saecularis* — мирской, светский

семьи. Семья стала *объектом научных исследований*, а вопросы сохранения и укрепления семьи, как уже отмечалось, из будничной и обыденной задачи превратились в серьезную социально-научную проблему.

Подходы к решению обозначившейся проблемы кардинально расходились в нашей стране и за рубежом.

За рубежом в большинстве случаев подход к решению этой проблемы исходил из признания права семьи на самоопределение, из уважения ее автономности. Такое отношение к семье нашло свое отражение в 26-й статье Декларации ООН по правам человека. В образной форме оно хорошо передано словами финского философа и социолога И. Снеллмана: «Власть общества останавливается на пороге дома»³. Поэтому помощь семье оказывалась исключительно в недирективном ключе (консультативно-просветительского характера) и в специальных центрах. При этом привлекался достаточно широкий круг специалистов: педагоги, психологи, психотерапевты, сексологи.

В нашей стране трудности семьи, обозначившиеся на рубеже XIX и XX столетий, рассматривались в свете концепции семьи, изложенной в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А именно: семья считалась временным явлением, появившимся как потребность общества на определенном историческом этапе; соответственно, по мере изменения общества, семья как таковая должна отмереть. Трудности, переживаемые семьей, при таком подходе понимались как совершенно нормальное (более того, предсказуемое!) явление: «предсмертная агония». Идеолог и руководитель советского государства В.И. Ленин в одной из бесед с К. Цеткин сказал: «В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции»⁴.

...Отечественной семье пришлось пережить не только насильственное отречение от веры и идеалов отцов, обобществление собственности, но и *утрату права на воспитание собственных детей*. Это право стало принадлежать государству. Родители не могли воспитывать детей в соответствии со своими ценностями, если они расходились с государственной идеологией.

Поиск путей нового — коммунистического — воспитания, задачи которого не могли быть поставлены перед семьей с ее «мелкособственнической психологией», привел к созданию громадной сети детских домов, школ-интернатов, школ продленного дня⁵. Нигилистические взгляды на семью порождали проекты полной изоляции детей от родителей. Так, например, работник Госплана СССР Л.М. Сабсович в своей брошюре «Города будущего и организация социалистического быта» предлагал сосредоточить всех детей от рождения до 16–17 лет в особых детских секторах, домах и городках⁶.

Идея отмирания института семьи и построения нового социалистического быта вдохновляла не только чиновников, но и некоторых художников слова. В своих произведениях, адресованных молодежи и юношеству, они рисовали образы коммунистического общества, в котором свободные граждане свободно соединяются для коллективного труда, общения и веселья, — никто ни к кому не привязан никакими узами, кроме взаимного влечения⁷.

³ Цит. по: Хямяляйнен, Ю. Воспитание родителей: концепции, направления и перспективы / Ю. Хямяляйнен, пер. с фин. — М., 1993. — С. 28.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. — М., 1970. — Т. 5. — С. 43.

⁵ Крупская, Н.К. В поисках новых путей: сб. статей / Н.К. Крупская. — М., 1924; Крупская, Н.К. Коммунистическое воспитание детей и подростков (Доклад на III съезде по охране детства) / Н. Крупская // Пед. сочинения: в 10 т. — Т. 4. — М., 1959.

⁶ Цит. по: Педагогические взгляды и деятельность Н.К. Крупской / сост. П.В. Руднев. — М., 1969. — С. 95.

⁷ Такие образы мы находим, например, в романах Н.Г. Чернышевского «Что делать?», И. Ефремова «Туманность Андромеды». Данные произведения входили в программу школьного курса литературы. Их изучение, по-видимому, и являлось частью государственного проекта по подготовке подрастающего поколения к *будущей жизни* — в новом обществе, обходящемся без института семьи.

Предел утопическим проектам новой общности — без семьи — был положен лишь в конце 70-х годов XX века. Прочитируем здесь слова историка И.В. Бестужева-Лады: «В конце 70-х годов семья нашим государством была официально провозглашена *непреходящей ценностью*. И тем самым была поставлена точка над бесконечными спорами о будущем семьи: ей пребывать во веки веков!»⁸

В условиях чудовищного разрыва с традиционным опытом подготовки молодых людей к семейной жизни начались мучительные поиски решения проблемы. Ситуация резко обострялась утратой основных институтов подготовки молодежи к семейной жизни. И Церковь, и семья как образовательные институты практически не существовали. Церковь не имела никакого авторитета у молодых людей и не воспринималась как образовательный институт. Что касается семьи, то она после 50-летней парализации воспитательной функции не воспринимала ее как свою. Подавляющее большинство родителей считали воспитание ребенка делом государства, передавая его на откуп различным учреждениям; свою же задачу видели лишь в том, чтобы «накормить-обуть-одеть».

О задаче подготовки подрастающих детей к браку семья вообще как бы «забыла». Публикации тех лет показывают, что приходилось ей об этом напоминать. Очень показательной является цитата из одной брошюры серии «Знание. Народный университет. Педагогический факультет». Автор, обращаясь к родителям, пишет: «Готовя наших детей к производственной деятельности, тщательно продумывая их будущую профессию, задумываемся ли мы над тем, какими мужьями и женами будут они в недалеком будущем? Подготовить нашего ребенка к жизни, как говорится, «вывести его в люди» — означает подготовить его в равной мере к деятельности и производственной, и семейной... И если мы, родители, в процессе воспитания ориентируем детей только на будущую производственную деятельность, забывая о семейной, то тем самым мы оставляем их беспомощными перед будущими семейными трудностями»⁹.

...Проблема укрепления семьи в настоящее время является одной из самых актуальных и сложных проблем в нашей стране. С целью укрепления института семьи, как уже отмечалось, принимается немало правительственных мер, привлекаются усилия многих ученых. Однако острота проблемы не снижается. Кризис семьи продолжает углубляться.

На наш взгляд, фокус решения обсуждаемой проблемы должен быть смещен в *психологическую плоскость*. Ключевой задачей видится разработка программ по *формированию психологической готовности* молодежи к семейной жизни. Продуктивность этой работы напрямую связана с выяснением *сути* психологической неготовности, нахождения основного места психологического «сбоя».

Перейдем к изложению нашего понимания этого вопроса.

1.2. Психологическая неготовность к семейной жизни как частный случай психологической неготовности. «Сбой» в мотивационной составляющей психологической готовности

Вопрос о психологической неготовности к семейной жизни, на наш взгляд, следует рассматривать в более широком контексте — выходя за рамки непосредственной проблемы. Понятие «психологической неготовности» в последние годы стало одним из

---

⁸ Цит. по: *Афанасьева, Т.М.* Семья: проб. учеб. пособие для учащихся сред. учеб. заведений / Т.М. Афанасьева. — М., 1986. — С. 219.

⁹ *Псавко, Б.Р.* Воспитывать семьянина / Б.Р. Псавко, П.Я. Старожицкий. — М.: Знание, 1984. — (Нар. ун-т. Пед. ф-т; № 5) — С. 5.

самых «ходовых». А именно: говорят о психологической неготовности к школьному обучению, о психологической неготовности к профессиональному выбору, о психологической неготовности к трудовой деятельности, о психологической неготовности к службе в армии и т. д.

На наш взгляд, у всех этих видов психологической неготовности должно быть какое-то общее основание, какой-то общий «корень».

Как известно, психологическая готовность к той или иной деятельности включает в себя две составляющие: операциональную и мотивационную. Понятно, что операциональная составляющая разных видов психологической готовности должна существенно различаться, что касается мотивационной составляющей — то здесь иное дело. В психологии сложилось представление об *общей мотивационной направленности* личности, определяемой иерархией мотивов. Поскольку мотивационная составляющая является общей для всех видов психологической неготовности, постольку, по-видимому, именно в ней и произошел «сбой», вызвавший множественные разновидности обсуждаемого феномена.

Чтобы лучше понять суть «сбоя», произошедшего в мотивационной сфере и повлекшего за собой возникновение самых разных видов психологической неготовности, обратимся к истокам изучения данного феномена.

Понятие «психологическая (не)готовность» появилось в психологической науке сравнительно недавно — в 70-е годы XX столетия. Первой разновидностью обсуждаемого феномена являлась «психологическая (не)готовность к школьному обучению». Ученые изучали разные составляющие этой (не)готовности, однако, примечательно, что акцент был сделан на мотивационной. В широко известных работах одной из первых исследовательниц этого феномена — Л.И. Божович — было показано, что ключевым моментом готовности ребенка к школьному обучению является *сдвиг в мотивационной сфере: эгоцентрические мотивы* (типичные для дошкольника) должны занять *второстепенное место* по отношению к *социальным*. Принципиальное значение отводилось формированию у ребенка позиции *субъекта социальных отношений* — осознанию своей связанности с другими людьми, своей включенности в систему широких социальных отношений. Другими словами, мотивационной сфере целенаправленно придавалась *нравственная направленность*. В качестве ведущих мотивов школьного обучения, при таком подходе, выступали широкие социальные мотивы («Чтобы быть полезным членом общества», «Чтобы быть нужным» и т. п.).

К сожалению, в более поздних и очень многочисленных работах, посвященных феномену психологической (не)готовности к школьному обучению, акцент сместился от мотивационной к операциональной составляющей. Более того, произошла незаметная утрата принципиальной роли нравственного момента мотивационной готовности. В качестве ведущей мотивации школьного обучения стала рассматриваться учебно-познавательная; социальные мотивы сдвинулись на 2-е место, при этом в группу социальных мотивов стали входить такие *принципиально разнородные в нравственном отношении* мотивы, как «стремление к социально значимому статусу», «стремление к социальному признанию», «стремление к социально значимой деятельности», «чувство социального долга»¹⁰.

Мотивационная составляющая является «ядерным» элементом психологической готовности. Без преувеличения можно сказать, что психологическая готовность, по сути, есть мотивационная готовность; при этом мотивация должна иметь нравственный характер.

---

¹⁰ Асмолов, А.Г. Как проектировать УУД: от действия к мысли. Федеральный государственный образовательный стандарт / А.Г. Асмолов. — М., 2010. — С. 33–36.

Акцентирование операциональной составляющей непродуктивно. «Умеют учиться, но не хотят!» — таков печальный итог 40-летней апробации в практике широко известной системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина–В.В. Давыдова¹¹.

Сила нравственной мотивации в структуре готовности к школьному обучению особенно убедительно раскрывается на примерах обучения детей в годы Великой Отечественной войны.

Набор первоклассников в школы проходил и в самое тяжелое время — в сентябре 1942–1943 гг. По воспоминаниям непосредственных участников этих событий — тогдашних первоклассников, *никто не умел ни читать, ни писать и учиться не хотел*. Кругом война, голод, разруха. Отцы — на фронте, матери — круглосуточно на работе. На плечах полностью лишенных родительского внимания детей — все заботы о домашнем хозяйстве. Готовность к школьному обучению *была сформирована единственной фразой учителя*: «Хорошая учеба — это ваш вклад в победу! Считайте, что каждая ваша пятерка — это один сбитый вражеский танк или самолет!»

В словаре В. Даля понятие «*нравственный*» противопоставляется таким словам как «своенравный», «своевольный». А одно из значений самого понятия дается как «*самоотверженный*».

Сравнительно недавняя история нашей страны дает нам множество примеров самоотверженности: освоение школьных наук полуголодными рабочими и крестьянами молодой страны Советов, высочайшие достижения безвестных тружеников первых пятилеток и солдат Великой Отечественной войны, неиссякаемое терпение жен и матерей — ждущих, выхаживающих, вдохновляющих...

Нравственная мотивация была *типичной* мотивацией. Проблемы психологической неготовности не было как таковой.

Сегодня нравственная мотивация — редкостное исключение. Типичная мотивация имеет выраженный эгоцентрический формат: личный успех, деньги, карьера и т. п. Поэтому в самых разных сферах жизнедеятельности и имеют место феномены, обозначаемые психологической наукой как «психологическая неготовность».

Подведем итоги.

Психологическая неготовность молодежи к семейной жизни имеет общий «корень» со всеми другими видами психологической неготовности: «сбой» в мотивационной сфере, доминирование эгоцентрических мотивов. Поэтому видится совершенно непродуктивным решать данную проблему в операциональном плане: формировать навыки ведения домашнего хозяйства, повышать психологическую компетентность в выстраивании супружеских отношений, изучать «психологические приемы» воспитания детей и т. п. Акцент должен быть сделан на мотивационной сфере: формировании ее нравственной направленности.

1.3. Этическая дезориентированность молодежи как причина «сбоя» в мотивационной сфере. Доминанта как мотивационный потенциал: Эго-доминанта и Друго-доминанта

В общественном сознании прочно устоялось представление о безнравственности современной молодежи, об утрате ею подлинных ценностных ориентиров.

На наш взгляд, это представление не верно. Истинные ценности молодежью не утрачены. Исследования показывают, что *счастье, любовь, свобода, дело* занимают ведущее место в сознании подрастающего поколения. Они *манят* молодежь, но она не знает, как к ним приблизиться. Не видит путей обретения ценностей, искаженно воспринимает их содержание. Поиск счастья видится как поиск наслаждения и острых

---

¹¹ Давыдов, В.В. Младший школьник как субъект учебной деятельности / В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. — 1992. — № 3–4. — С. 18.

ощущений, любовь не различается с сексом, свобода отождествляется с вседозволенностью, дело понимается как бизнес.

Современная молодежь не находит, да и не может найти в сегодняшней нашей действительности *верных путей* обретения ценностей. Ее состояние очень точно в образной форме схвачено известными словами народной сказки: «*Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю, что*». И потому результаты этих поисков часто обретают болезненные и уродливые формы.

Заблуждения на путях духовно-нравственных исканий выводят и к ложной мотивации.

Сегодняшняя молодежь не знает таких мощнейших мотивов как *долг, служение, призвание*. Вся ее жизнедеятельность строится на *ложных — эгоцентрических* — побуждениях, оборачивающихся многочисленными страданиями.

О ложности эгоцентрической мотивации говорит вся святоотеческая литература. Научное объяснение можно найти в учении «О доминанте» А.А. Ухтомского.

Первоначальная история понятия «доминанта» связана с исследованиями А.А. Ухтомского в области физиологии высшей нервной деятельности. Изучая деятельность нервной системы, автор установил, что она строится по принципу, названному им «принципом доминанты». Суть этого принципа состоит в том, что господствующий в нервной системе очаг возбуждения способен забирать активность других нервных центров и направлять ее на решение основной задачи, стоящей в данный момент перед организмом. В решение этой задачи вовлекается весь организм как целое. Любые возбуждения, вызванные внешними или внутренними воздействиями, мобилизуются на ее выполнение. Имеющаяся в коре доминанта создает определенный вектор поведения.

Вскрывая закономерности образования и разрушения доминанты, Ухтомский показал, что этот принцип имеет не только общебиологическое значение. Он доказал возможность широкого применения принципа доминанты при объяснении различных психологических явлений, начиная с актов внимания и кончая устойчивыми жизненными установками личности. В психологическом плане доминанта представляет собой мотивационный потенциал поведения.

Изучая доминанты как у животных, так и у людей, А.А. Ухтомский обнаружил у человека наличие особой доминанты. Специфика этой доминанты состоит в том, что аккумулируемый ею мотивационный потенциал имеет *социальную природу*. Такую — специфически человеческую — доминанту А.А. Ухтомский назвал доминантой «на лицо Другого», противопоставив ей эгоцентрическую доминанту.

Подчеркивая, вслед за А.А. Ухтомским, что *истинно человеческая мотивация* имеет *социальную природу*, и, удерживая логику автора, заключаем: эгоцентрическая мотивация является ложной, искаженной, противоприродной для человека.

Искаженная, ложная мотивация не способна набрать должный мотивационный потенциал и обеспечить устойчивость деятельности — рано или поздно наступает ее распад. Типичными примерами такого распада и являются разводы, нежелание учиться, тунеядство и т. д.

Искажающее действие эгоцентрической доминанты наиболее явно заметно в области взаимоотношений между людьми. Человек с выраженной Эго-доминантой занят только собой, только своими нуждами, поэтому другой человек воспринимается исключительно как *проекция* этих нужд, как *средство их удовлетворения*. Увидеть другого человека таким, каков он действительно есть, человек с сильной доминантой на своем Я *не может*. Другой — всегда воспринимается *искаженно*. Наличие у человека выраженной Эго-доминанты является сильным препятствием к выстраиванию отношений с другими людьми.

Центрированность на своем Я нарушает и умственную деятельность. Базовый процесс мышления — абстрагирование — требует *децентрации*. Без нее невозможно осуществление элементарных умственных действий. Яркой иллюстрацией здесь является

сюжет из хорошо знакомой с детства книжки А. Толстого «Золотой Ключик, или Приключения Буратино»:

- Займемся арифметикой, — сказала Мальвина. — У вас в кармане два яблока...
Буратино хитро подмигнул:
— Врете, ни одного...
— Я говорю, — терпеливо повторила девочка, — предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?
— Два.
— Подумайте хорошенько.
Буратино сморщился, — так здорово подумал.
— Два...
— Почему?
— Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

Сюжеты писатели берут из жизни. Но если раньше, во времена написания этой книжки, такие сюжеты были исключительными и потому вызывали добродушный смех, то сегодня они являются повсеместными и вызывают серьезное напряжение и тревогу. Недостаточность уровня абстрактного мышления отмечается не только у младших школьников, но и у студентов вузов.

Эго-доминанта приводит к распаду не только внешних форм деятельности. Будучи *противоприродной* для человека, она вызывает нарушения физиологического плана, проявляющиеся в телесных и психических дисфункциях и заболеваниях. Типичный пример здесь — *психосоматические* заболевания. Как известно, эту очень многочисленную группу составляют заболевания, являющиеся результатом напряжения (стресса), вызванного сильнейшими Эго-переживаниями (обидой, завистью, ревностью и т. п.). Уместно, в противовес, заметить, что напряжение, обусловленное специфически человеческой доминантой (доминантой «на лицо Другого» по А.А. Ухтомскому), оказывает, напротив, мобилизующее действие на организм, приводя к излечиванию имеющихся заболеваний. Медицинская практика времен Великой Отечественной войны дает здесь огромное количество примеров.

Специфически человеческая доминанта — «на лицо Другого» — не возникает сама собой. Она *не дана* человеку по факту рождения, а *задана*. А.А. Ухтомский говорил, что человек призван воспитать ее в себе. Он писал: «Только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И именно с этого момента человек сам заслуживает, чтобы о нем говорили как о лице»¹².

1.4. Другоцентричность как необходимое условие семейного благополучия. Снятие Эго-доминанты как путь духовного возрастания

Понятие «доминанта на лицо Другого» для А.А. Ухтомского выступало как научный эквивалент понятию «любовь». Автор говорил, что только любящий человек может узнать неповторимое лицо Другого: только настоящая любовь помогает человеку отодвинуть свое Я на второй план, поставив на первый — Другого, с четким понимаем его как именно *другого*.

Человек с Эго-доминантой не может увидеть Другого таким, каков он действительно есть. Другой в отношениях с таким человеком как бы утрачивает право на индивидуальность и становится «Двойником».

---

¹² Ухтомский, А.А. Заслуженный собеседник / А.А. Ухтомский. — Рыбинск.: Рыбинское подворье, 1997. — С. 437.

Отношение к «Двойнику» всегда потребительское. Потребительское отношение не обязательно имеет форму грубого насилия или откровенной эксплуатации. Выражения типа «Мне плохо без тебя!», «Я без тебя не могу жить!», «Никому тебя не отдам!» — тоже знак потребительского отношения, хотя человеческий ум довольно часто обманывается, принимая их за выражения любви.

Как же в этом разобраться? Как человеку решить задачу воспитания у себя Друго-доминанты, которую сам А.А. Ухтомский называл «труднодостижимой». Ответы на эти вопросы можно найти в работах М.М. Бахтина и Т.А. Флоренской, внесших принципиальный вклад в дальнейшее развитие учения о доминанте.

М.М. Бахтин привнес в представление о Друго-доминанте и ее достижении очень ценное дополнение — понятие «внеаходимость». Другой, как говорит этот ученый, «радикально внеаходим», т. е. его индивидуальность невозможно понять путем вчувствования, эмпатии, сопереживания. Вчувствоваться — в Другом — можно лишь в то, что есть в тебе самом; другими словами, путем вчувствования можно лишь удвоить свою собственную действительность, но невозможно понять особенности Другого, отличные от собственных. Чтобы понять эти особенности, нужно находиться *вне* Другого, занимать некую дистанцию по отношению к нему.

Т.А. Флоренская говорит о позиции «внеаходимости» как об «эстетически завершенной позиции». Иллюстрируя эту мысль, она пишет: «Когда мы смотрим на живописное произведение, то стараемся найти верные позиции и дистанцию, чтобы увидеть целостный образ, картину в целом, а не какие-то части и детали. То же самое по отношению к человеку. Надо найти правильную позицию, правильную дистанцию»¹³. Правильная дистанция — это не устраненность от человека, но *отстраненность* — бережно-созерцательное к нему отношение, без навязывания себя. Противоположностью такому отношению является привязанность, пристрастие, страсть к человеку: здесь на первом месте не другой человек, а собственное эгоистическое «Я».

Именно претензии собственного эгоистического «Я» слышатся в выражениях: «Никому тебя не отдам!», «Я без тебя жить не могу!» и т. п. В них — не любовь, а болезненная привязанность, обозначаемая в психологической науке понятием «симбиоз». Позиции участников симбиотической связанности имеют очень красноречивые названия: «Донор» и «Акцептор»¹⁴. Другой — всегда «Донор», используемый «Акцептором» для поддержания своего эмоционального состояния: «подзарядки» положительными эмоциями, «разрядки» отрицательных эмоций. Без Другого, выполняющего функцию эмоционального донора, человеку с Эго-доминантой действительно очень трудно обойтись. При этом «Донор» расплачивается за такие отношения не только эмоциональным выгоранием, нервными срывами, но и телесными заболеваниями. О какой же любви к нему здесь можно говорить!

Друго-доминанта не может быть сформирована через *привязывание* к какому-то конкретному человеку. Доминанта на Другом — это, как отмечала Т.А. Флоренская, «доминанта на **каждом другом**». «Если ее нет на каждом — она не будет возможна и на единственном», — утверждает автор и поясняет: «Если любить одного человека и не любить людей вокруг, то это, наверное, не любовь»¹⁵.

Любовь — это не замкнутость друг на друге, не «эгоизм вдвоем». Уместно привести здесь слова о любви одного из самых значительных гуманистов XX века — А. Сент-Экзюпери: «Любить — это значит смотреть не друг на друга, а в одну сторону».

¹³ Флоренская, Т.А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Т.А. Флоренская. — М., 2009. — С. 278.

¹⁴ Миронова, М.Н. О принципе сопряженной доминанты / М.Н. Миронова // Вопросы психологии. — 1996. — № 6.

¹⁵ Флоренская Т.А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Т.А. Флоренская. — М., 2009. — С. 268.

Любовь дается человеку не сразу. Достижение состояния любви возможно лишь *путем преодоления, снятия Эго-доминанты*. Трудность этого пути отмечалась и А.А. Ухтомским, и его последователями. Предельно точно она схватывается емкими словами преподобного Ефрема Сирина: «**Выжми себя...**»¹⁶.

Истинность и непреложность этого пути наука проверить не может, но об этом говорят и поучения-откровения высокой святоотеческой мысли, и житейские интуиции простого люда, отшлифованные столетиями в народных сказках. Как известно, герой обретал любовь, лишь *соглашаясь вытерпеть* множество испытаний: «пройти через огонь, воду и медные трубы», «исходить по всему белу-свету, износив семь железных сапог и стерев семь железных посохов», «сплести голыми руками из жгучей крапивы двенадцать рубашек» и т. п.

Путь любви как преодоления Эго-доминанты имеет *духовную основу*. Он требует не только воли самого человека, но и духовной помощи. Преподобный Ефрем Сирин, обозначая перед человеком этот путь как «Выжми себя...», указывал и средство: «Выжми себя *покаянием*».

Результат покаяния — перемена мыслей¹⁷, радиальное изменение всего мировосприятия человека: *смещение центра с самого себя*.

Фокус децентричности может находиться в разных измерениях: индивидуальном (здесь Другой — это конкретный значимый человек), социальном (здесь Другой — это общность людей: семья, род, Родина, человечество в целом), мистическом (здесь Другой — это Бог).

Эти измерения следует рассматривать как *этапы* на пути снятия Эго-доминанты. Путь этот видится путем духовного возрастания человека, вершиной которого является *предстояние* и *ответ-ственность* перед Богом.

Редукция измерения неизбежно приводит к нарушениям.

«Застревание» фокуса децентричности в индивидуальном измерении, как показывает опыт психологической и психотерапевтической практики, чревато опасностью позиции «симбиотического донора». Социоцентричность сознания в формате индивидуальной жизни может оказаться вполне благополучной, однако в формате истории, как свидетельствуют уроки недавнего прошлого нашей страны, не обладает устойчивостью: нравственный ресурс истощается уже в следующем поколении.

Христоцентричность сознания, как показывает тот же опыт истории, может существовать тысячелетия. Христоцентричность сознания не отрывает человека от других людей, но, напротив, сближает.

Хорошей иллюстрацией здесь является довольно известная схема христианского подвижника аввы Дорофея. Мир людей он изобразил как окружность, где центр — это Бог, а радиусы — отдельные люди (рис. 1).

---

¹⁶ Цит. по: Монахиня Н. Дерзай, дочь! Размышления о женском призвании / Монахиня Н. — М., 2001. — С. 31.

¹⁷ С греческого языка слово «покаяние» («метанойя») переводится как «перемена мыслей».

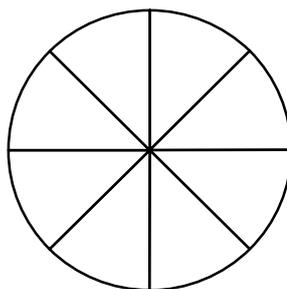

Рис.1

Чем ближе человек к Богу, тем ближе он к другим людям, чем дальше от Бога, тем дальше от людей. В центре все люди сближаются, а по мере удаления от центра, они друг от друга удаляются. Когда человек, преодолевая Эго-доминанту, стремится к Богу, он одновременно сближается и с другими людьми. А чем дальше он от Бога, тем дальше и от других людей.

1.5. Духовные основы единения людей. Семья как первичная форма человеческого духовного единения

Отношения между людьми пронизаны множеством самых разных связей. Эти связи имеют неодинаковое значение и глубину.

Хозяйственно-бытовые, экономические, культурные и т. п. связи — как бы ни были обширны и разнообразны — это второстепенные связи, характеризующие поверхностный уровень отношений. Основная связь между людьми — духовная; она задает отношения на глубинном — не имеющем непосредственной проявленности — уровне. На этом уровне, согласно христианскому учению, люди связаны пороками и благодатью.

Духовная связанность существует между всем человечеством: каждый несет на себе печать прошлого и ответственность перед будущим. Но особенно сильна духовная связь между членами семьи и рода.

Значение семьи как первичной формы человеческого духовного единения очень ярко раскрыто в работе выдающегося русского философа И.А. Ильина «Путь духовного обновления: О семье». Автор пишет: «Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на *любви*, на *вере* и на *свободе*, научиться в нем первым *совестным* движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения — *родине и государству*»¹⁸.

Создавая семью, человек должен видеть ее теснейшую связь с родом, осознавать себя *наследником* рода. При этом важно видеть семейно-родовые связи во всей глубине: не только на материальном или психологическом уровне — как наследование имущества или способностей, но и духовном — как наследование пороков и благодати.

Семья — это самое естественное место для духовного возрастания человека. В ней легче, чем в какой-либо другой форме человеческого единения «выжимать себя...».

«Легче» не значит «легко». Не случайно испытание семейной жизнью проходят не все, а молодежь и прямо уклоняется от него, наивно полагая избежать ответственности.

---

¹⁸ Ильин, И.А. Путь духовного обновления: О семье / И.А. Ильин // Основы христианской культуры. — СПб.: Шпиль, 2004. — С. 183.

Благополучие семейной жизни напрямую зависит от Другоцентричной мотивации, проявляющейся в установке на *терпение, служение, жертвенность*.

Работа И.А. Ильина «О семье», на наш взгляд, расставляет все точки над *i* в размышлениях над проблемой (не)готовности молодежи к семейной жизни. Сопряжение мыслей философа с результатами научных исследований А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, Т.А. Флоренской дает следующее понимание психологической готовности к семейной жизни.

Психологическая готовность к семейной жизни имеет *духовно-нравственные основания* и определяется степенью децентрации, снятия Эго-доминанты; достаточный уровень децентрации проявляется в *осознании себя наследником* своей семьи и своего рода, возведенном до *решимости* *взять на себя ответственность* за сохранение и укрепление принятого наследства.

Данное понимание и положено в основу разработанной нами программы подготовки молодежи к семейной жизни.

2. СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ

2.1. СЧАСТЬЕ

*Все люди, без исключения, ищут счастья;
какие бы различные способы они не употребляли,
все стремятся к этой цели.*

Б. Паскаль

*Хочешь ты счастья себе... Оно скоро не дается...
Его, как гриб в лесу, поискать надо, надо над ним спину поломать...
да и найдя, — посмотри, не поганка ли?*

М. Горький

Счастье как *ценность* человеческой жизни.

Прочность утверждения этой ценности в человеческом сознании. Поиски счастья героев народных сказок и авторских литературных произведений, размышления о счастье ученых и философов. Поиски счастья как *универсальная человеческая потребность*.

Представление о счастье в народном сознании (Что искали герои сказок?); трудность поиска и определения счастья («Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю, что»). Определения счастья в высказываниях поэтов и мыслителей. Поиски счастья в труде, в деньгах, в удовольствиях и развлечениях, в любви, в друзьях. Предостережение об опасности нахождения *ложного счастья*.

Почему человек ищет счастья?

Этимология слова «счастье»: счастье = со-частье.

Счастье — ощущение наполненности своей жизни (чувство счастья — *«наполняет»* и *«переполняет»*). [Онтологическая] основа поиска счастья — *ощущение человеком своей неполноты* и стремление найти то, что эту неполноту смогло бы заполнить (точнее — *восполнить*).

Способы заполнения и восполнения неполноты. Заполнение пустоты через погруженность в работу, «погоню» за деньгами, стремление к удовольствиям и развлечениям. Ложные пути поиска и обретения своего со-частия. Формирование зависимостей (трудоголизм, алкоголизм, гедонизм, алчность и т. д.).

Обретение целостности через нахождение своей «второй половины». Тайна пола: мужчина и женщина — две части единого целого. Восполнение человека в любви как единственный верный путь поиска и обретения счастья.

Счастье и Встреча. Встреча и любовь.

Поиск счастья — путь духовно-нравственных исканий. Необходимость закладки ориентиров на этом пути с раннего детства. И.А. Ильин: «Если ребенок с детства не привыкнет искать счастья в любви, то в зрелом возрасте он будет искать его в злых и дурных влечениях»¹⁹.

---

¹⁹ Ильин, И.А. Путь духовного обновления: О семье / И.А. Ильин // Основы христианской культуры. — СПб.: Шпиль, 2004. — С. 189.

2.2. ЛЮБОВЬ

Любовь — это желание сделать счастливым другого.
Ф. Аквинский

Горе сердцу, не любившему смолоду.
И. Тургенев

Любовь как *высшая ценность* человеческой жизни. Житейские представления о любви. Любовь в произведениях искусства. Научные исследования феномена любви. Э. Фромм «Искусство любить». Р. Мэй «Любовь и воля».

Метафизические основания любви. Любовь — священный дар Бога человеку. Бог и любовь. Человеческие поиски счастья и любви как поиски Бога.

Любовь как *призвание* и *долг* человека. Любовь как *подвиг: самоотвержение* в любви. Христианский *идеал жертвенной любви*: «Любовь все терпит...» (Ап. Павел). Приближение к Богу через подвиг любви: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви — пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

Отражение метафизической тайны человеческой любви в народном эпосе. Древнегреческий миф о прекрасной девушке Психее, ставшей — через подвиг любви — бессмертной богиней. Русская народная сказка о Снегурочке — не имевшей в себе Божественного дара любви («Хочу любить, но слов любви не знаю, и чувства — нет...») — и потому не сумевшей быть человеком.

Божественный Промысел в поиске и нахождении человеком Избранника своей любви. Библейский сюжет об Исааке и его Богоизбранной невесте Ревеке (Быт. 24). Отражение этого сюжета в житейских представлениях о «суженом». Чувство *угадывания* человеком своего *суженого* («безотчетное влечение сердца», «удар молнии», «утрата рассудочности» и т. п.) как момент *зарождения* любви. Любовь — *отклик сердца на Другого*. Невозможность любви через рассудок.

Условия любви. Брак как необходимое условие любви.

2.3. БРАК

*Истинно это тайна, и тайна великая,
ибо муж, оставив отца, который его родил,
воспитал, и мать, которая рождала его в
болезни; оставив обоих, с которыми жил
вместе и свyksя, прилепляется к той,
которую не видел, и предпочитает ее всем.*
Святитель Иоанн Златоуст

Понятие «брак». Многозначность слова «брак» в современном языке. Искажения первоначального значения слова.

Образ брака в Ветхом и Новом Завете. Брак как образ полноты жизни, высшей радости, торжества любви. Брак Агнца. Соединение в любви «невесты Агнца» и «Мужа скорбей». Чудо встречи Бога и человека.

Брак — *свободный* и *священный* союз, целью которого является осуществление полноты любви. Брак как *таинство* преодоления индивидуальной разобщенности. Основа брака — вдумчивый сердечный выбор. Брачная верность. Невозможность брака по принуждению.

Монашеское братство как брак (А. Сурожский). Монашеский обет — обет верности.

Супружеский брак. Обет верности супругов. Таинство венчания: «Будут два в плоть едину». «Формула брака» (И.А. Ильин).

Антиномичность ситуации вступления в супружеский брак («В брак нужно вступить по любви» и «По любви вступить в брак невозможно») и ее разрешение. Любовь и влюбленность. Признание в любви как признание *о желании любить*, о готовности нести ответственность за судьбу другого человека; связь признания в любви с предложением о вступлении в брак (в котором эта любовь будет расти).

Главная задача супружеского брака. Супружеский брак как радость узнавания друг друга. Достижение любви как чудо Встречи. Встреча с собой и с Другими. Исполнение заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Понятие «гражданский брак». История зарождения «гражданского брака». «Гражданский брак» — вне таинства венчания — как «рядом-жительство» (И.А. Ильин). Современный «гражданский брак». Современный «гражданский брак» как блуд: заблуждение молодых людей в духовно-нравственных поисках настоящей любви.

2.4. СЕМЬЯ

Понятие семьи. Наличие разных подходов к пониманию роли и назначения семьи.

Семья как *хозяйственно-бытовая единица*. Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Идея преходящего характера института семьи. Коммуна, коммунистическое общество как новые формы человеческого общежития.

Семья как «ячейка общества». Акцентирование *воспитательной функции* семьи. Семья как институт взращивания главного общественного богатства (человека), источник социального и экономического развития общества. Семья как средство трансформации общества (Л. Франк).

Христианский взгляд на семью. Семья как *начальная форма духовного единения*. Семья – Род – Родина (страна) – Человечество.

Метафизические основания семейной формы духовного единения. Семья как образ жизни, заповеданный Богом. Представление о духовном единстве и духовной традиции семьи. Духовное и телесное единство супругов.

Семья и род. Родословная — «Древо жизни». Умирание рода как прерывание духовной традиции семьи вследствие нарушения нравственного закона.

Понятие наследства. Уровни наследства: материальный уровень наследства (имущество), социально-психологический (характер и установки), духовный (пороки и благодать). Духовная связанность родителей и детей. Духовная связь поколений. Духовная традиция семьи — ведущая линия наследования. Мужская линия наследования. Сын как наследник семьи и рода. Дочь как хранительница наследия семьи и рода своего будущего супруга («Девка — отрезанный ломоть»).

Значение и смысл выражения «*строить семью*». Строительство семьи как укрепление ее духовных оснований. Кризис современной семьи. Иллюзорность материальной (хозяйственно-бытовой) основы семейной жизни. Деструктивность установки на получение удовольствий и наслаждений. Кризис семьи как причина кризиса общества.

Готовность современной молодежи к семейной жизни. Трудности процессов *взросления*. Открытие личностного смысла понятий «род», «наследие», «духовная традиция» как основа подготовки к семейной жизни.

2.5. СТРУКТУРА СЕМЬИ

Основа семьи («фундамент») — духовное единство ее членов (духовная традиция), опирающаяся на нравственный закон.

Традиционная структура семьи: «Муж есть глава жены» (Ап. Павел). Иерархичность традиционной структуры. Сущность главенства. Главенство как ответственность. Основа главенства — *служение* другим членам своей семьи.

Отклонения от традиционной структуры: эгалитарная и инвертированная модели семьи. Варианты инвертированной модели семьи («главенство» жены, «главенство» родственников (тещи, свекрови и т. д.), «главенство» ребенка/детей (педоцентричный уклад семьи)). Трудности семей с эгалитарной и инвертированной структурой.

Главенство мужа в семье как *заданность* (а не *данность*).

Готовность мужчины стать главой семьи: мужественность. Слагаемые мужественности: умение принимать решения, умение нести ответственность за себя и других, умение защищать. Примеры мужественности. Образы мужественности в литературе и изобразительном искусстве.

Умение принимать решения как готовность (решимость) нести ответственность за возможные негативные последствия. Легкость принятия решений и установка на уход от ответственности. Трудность принятия решений и установка на перфекционизм. «Ошибкобоязнь» как трусость.

Умение нести ответственность за других как готовность брать на себя вину за допущенные ими ошибки. Готовность мужчины к несению груза ответственности за всех членов своей семьи.

Умение защищать семью от разрушительных влияний. Возможные угрозы семье. Источники угроз. Способность следовать нравственному закону (стоять перед Богом) как самая надежная защита семьи.

Участие жены в установлении нормальной семейной иерархии. Готовность женщины помогать мужу становиться главой семьи: женственность.

Сила женщины: умение терпеть и ждать, умение нести радость и давать тепло, бескорыстие (способность отдавать, ничего не требуя взамен). Примеры женственности. Образы женственности в литературе и изобразительном искусстве.

2.6. НАЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ. СЕМЬЯ КАК «ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ»

Наличие разных мнений в понимании назначения семьи.

Христианское понимание назначения семьи. «Призвание семьи» (И.А. Ильин): быть местом возрастания в любви, быть хранительницей духовной традиции рода (Родины), быть школой воспитания к внутренней свободе (овладения дисциплиной и отношениями авторитета), быть самостоятельной творческой единицей, основанной на взаимопомощи.

Рождение и воспитание ребенка как задачи семьи.

Ребенок — продолжатель рода. Смысл и значение фразы «*Ребенок должен быть желанным*». Идея планирования семьи. Использование противозачаточных средств как попытка противодействовать воле Бога. Абортивные контрацептивы; грех убийства.

Семья — «школа воспитания» (И.А. Ильин). Цель: воспитание будущего *победителя*, умеющего внутренне уважать самого себя и утверждать свое *духовное достоинство* и свою *свободу* — так, что все соблазны и искушения современного мира оказываются бессильны²⁰. Основная направленность воспитания: духовное пробуждение ребенка. Период «душевной теплицы». Период «душевного закала». Воспитание как открытие пути *к любви, внутренней свободе, вере и совести*²¹.

²⁰ Ильин, И.А. Путь духовного обновления: О семье / И.А. Ильин // Основы христианской культуры. — СПб.: Шпиль, 2004. — С. 200.

²¹ Ильин, И.А. Путь духовного обновления: О семье / И.А. Ильин // Основы христианской культуры. — СПб.: Шпиль, 2004. — С. 185.

Условия воспитания ребенка.

Уважение к родителям. Отец и мать как идеальные образцы для подражания. Атмосфера искренности и уважения в семье. Спокойная и достойная дисциплина. Многодетность как условие преодоления детского эгоцентризма. Совместный труд с родителями. Со-радование и сострадание. Забота.

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММЫ

3.1. Учебно-тематический план (примерный)

№ п/п.	Разделы и темы	Количество часов	Формы занятий		
			Лекция-беседа	Дискуссия	Тренинг
1.	СЧАСТЬЕ				
1.1.	Счастье как ценность человеческой жизни	2	–	2	–
1.2.	Поиск счастья как универсальная человеческая потребность	4	–	4	–
1.3.	Поиск счастья — путь духовно-нравственных исканий. Счастье и Встреча	2	–	2	–
2.	ЛЮБОВЬ				
2.1.	Любовь как высшая ценность человеческой жизни	2	2	–	–
2.2.	Искусство любви. Любовь как подвиг	2	–	2	–
3.	БРАК				
3.1.	Многозначность слова «брак» в современном языке. Брак как образ полноты жизни, высшей радости, торжества любви	2	2	–	–
3.2.	Супружеский брак	4	2	2	–
3.3.	Гражданский брак	2	–	2	–
4.	СЕМЬЯ				
4.1.	Понятие семьи. Разные подходы к пониманию роли и назначения семьи. Семья как образ жизни, заповеданный Богом	2	2	–	–
4.2.	Семья и род. Род, родня, родословная. Наследство	2	–	2	–
4.3.	Строительство семьи как укрепление ее духовных оснований	4	–	2	2
5.	СТРУКТУРА СЕМЬИ				
5.1.	«Фундамент» семьи. Иерархичность структуры семьи. Традиционная иерархия	4	2	2	–
5.2.	Слагаемые мужественности	4	–	–	4
5.3.	Слагаемые женственности	4	–	–	4
6.	НАЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ. СЕМЬЯ КАК «ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ»				
6.1.	Духовное единство членов семьи	2	2	–	–
6.2.	Назначение семьи	2	–	2	–
6.3.	Семья как «школа воспитания»	4	–	2	2
	Всего:	48	12	24	12

3.2. Формы организации и проведения занятий

Основной формой проведения занятий является *дискуссия*; в качестве вспомогательных моментов для организации дискуссии используются: лекции-беседы, просмотр видеofilьмов, тренинг. Также могут быть использованы и такие дополнительные формы как индивидуальные и групповые консультации. Дополнительные формы в сетке часов не указаны; их необходимость и объем определяет индивидуально каждый ведущий, исходя из своих возможностей и потребностей группы.

Исходя из своих возможностей и особенностей группы, ведущий выстраивает и конкретные планы-сценарии занятий. Предложенный учебно-тематический план выступает здесь как примерный ориентир.

Материал, который может быть использован для организации занятий, дается в приложениях. Также не исключается самостоятельный подбор материала, с опорой на рекомендуемые литературные источники.

Количество участников группы — 15–20 человек.

Для обеспечения высокой включенности участников группы в работу необходимо с самого начала выполнить несколько упражнений, способствующих запуску групповой динамики. Примеры упражнений также даются в приложении 2.

Видится необходимым дать пояснения к таким формам проведения занятий как дискуссия, тренинг, индивидуальные и групповые консультации.

Д и с к у с с и я

Существуют два варианта организации дискуссии:

- 1) в самом начале изучения темы — как постановка проблемы;
- 2) после проведения тренинговых упражнений, диагностических процедур, других видов самоисследования — как создание информационной опоры для нахождения ответов на возникшие в ходе предварительной работы вопросы, лучшего прояснения своей позиции, видения других точек зрения.

Дискуссия строится в 3 этапа.

1. Ведущий (преподаватель) объявляет тему, ключевые вопросы для обсуждения и излагает ключевые моменты (концепции, принципы, факты), используя демонстрационные материалы, в том числе видеосюжеты.

2. Работа в группах (3–4 человека): обсуждение предложенной преподавателем информации, а также жизненного опыта каждого из участников группы (факты, примеры, мнения).

3. Производится общая дискуссия, в ходе которой идет анализ высказанных позиций, их оценка, а также дополнение, взаимообогащение разных точек зрения, расширение представлений, установок, способов поведения, изменение своей позиции.

В итоге желательно выработать общее мнение по дискутируемому вопросу, хотя каждый участник дискуссии может высказать и свою особую позицию.

Для организации дискуссий предлагается использовать материалы и сюжеты, приводимые в приложении 3; также видится возможным привлекать вопросы анкеты, использовавшейся в нашем исследовании и приводимой в приложении 4.

Занятия по таким темам как «Духовное единство семьи», «Назначение семьи», «Семья как «школа воспитания» рекомендуется проводить исключительно в форме дискуссии, с опорой на работу И.А. Ильина «О семье» (участникам группы необходимо предварительно познакомиться с этой работой — дается в приложении 1).

Тренинг

Тренинг — это совокупность обучающих процедур, направленных на развитие различных навыков и умений (в том числе рефлексивных) путем получения участниками непосредственного опыта.

Тренинг — это курс активного обучения, состоящий из упражнений, их обсуждения, работы со спонтанным поведением человека в специально смоделированной или естественной ситуации. Во время тренинга возможны также короткие фрагменты информации о предмете. Главное в тренинге — это получение и осознание участниками нового опыта, необходимого для формирования/совершенствования тех или иных умений и навыков. От жизненного опыта этот опыт отличается тем, что получается в ходе специально отобранных и организованных процедур, и поэтому лучше осознается и усваивается. Обучаясь методом «проб и ошибок», человек потратит месяцы на достижение того, что в хорошо спланированном тренинге может быть достигнуто в течение нескольких дней.

Принципы организации тренинга

Принцип активности участников. В ходе занятий члены группы постоянно вовлекаются в различные действия: выполнение специальных устных и письменных упражнений, проигрывание и обсуждение ролевых ситуаций и т. д.

Принцип исследования позиции. В процессе работы тренинговой группы создаются такие ситуации, для выхода из которых нет готовых рецептов, и участникам приходится самим искать решение проблемы.

Принцип самодиагностики. Тренер включает в содержание занятий вопросы и упражнения, рассчитанные на то, чтобы каждый из участников группы рассказал о себе, своей личной позиции, своих отношениях с детьми, близкими людьми, знакомыми, своих межличностных удачах и неудачах.

В форме рефлексивного тренинга (включающего самодиагностику, разбор конкретных ситуаций, решение нравственных дилемм и т. д.) обязательно должны быть проведены занятия по темам «Слагаемые мужественности» и «Слагаемые женственности».

Упражнения, которые могут быть использованы для проведения тренингов, приводятся в приложении 2.

Индивидуальные и групповые консультации

Индивидуальные и групповые консультации являются дополнительной частью программы. Они проводятся для участников, которым необходима психологическая поддержка или помощь в переживании жизненных неудач. Консультации проводятся в рамках «несервильного» подхода (ориентированного не на достижение социальных успехов, не на снятие напряжения, не на облегчение «психологической боли», а на сохранение нормальной динамики развития личности). Основным методом проведения консультаций — метод «диалога» (Т.А. Флоренская).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Агафонов, Н.* Дорога Домой / Н. Агафонов. — М.: Сибирская благовонница, 2006.
2. Алфавит духовный старца Паисия Святогорца. Избранные советы и наставления. — М.: Ковчег, 2008.
3. *Антоний, митрополит Сурожский.* Человек перед Богом / Антоний, митрополит Сурожский. — М.: Паломникъ, 2000.
4. *Антоний, митрополит Сурожский.* Таинство любви / Антоний, митрополит Сурожский. — Клин, 2004.
5. *Антоний, митрополит Сурожский.* Встреча / Антоний, митрополит Сурожский. — М., 2010.
6. *Вачков, И.В.* Психология тренинговой работы: Содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы / И.В. Вачков. — М., 2007.
7. *Гребенников, И.В.* Основы семейной жизни. Учебное пособие для студентов педагогических институтов / И.В. Гребенников. — М.: Просвещение, 1991.
8. Духовно-нравственная культура в школе. — М.: Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений, 2007.
9. *Зеньковский, В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. — Клин.: Христианская жизнь, 2002.
10. *Ильин, И.А.* Основы христианской культуры / И.А. Ильин. — СПб.: Шпиль, 2004. — (Глава 5 «О семье». — С. 183–213).
11. *Карклина, С.Э.* Проблемы семейного воспитания / С.Э. Карклина. — М.: Советская Россия, 1982.
12. *Льюис, К. С.* Пока мы лиц не обрели / К.С. Льюис. — СПб.: Библиополис, 2006.
13. *Маслов, Н.В.* Основы русской педагогики / Н.В. Маслов. — М.: Самшит-издат, 2006.
14. *Монахиня Н.* Дерзай, дочь! Размышления о женском призвании / Монахиня Н. — М.: Даниловский благовестник, 2001.
15. *Ничипоров, Б.В.* Таинство брака и семьи: космология домостроительства / Б.В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию. — М., 1994.
16. *Ничипоров, Б.В.* О христианской педагогике в России / Б.В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию. — М., 1994.
17. О христианском браке и обязанностях мужа и жены / сост. А.В. Блинский. — СПб., 2006.
18. *Старикова, Е.* Чего не знают родители. Размышления вчерашней школьницы / Е. Старикова. — М.: Даниловский благовестник, 2009.
19. *Сухомлинский, В.А.* Письма к сыну / В.А. Сухомлинский. — М.: Просвещение, 1987.
20. Перестройка — семье, семья — перестройке (статьи, опубликованные в периодической печати). — М.: Мысль, 1990.
21. *Флоренская, Т.А.* Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Т.А. Флоренская. — М.: Русский Хронографъ, 2004.
22. *Храмова, Н.Г.* Культура семьи / Н.Г. Храмова, Г.Г. Алексеева, А.А. Сараева, Т.А. Алтушкина. — М.: Институт психолого-педагогических проблем детства РАО, 2009.
23. *Шестун, Е.* Православная семья / Е. Шестун, Н. Огудина. — Самара: Самарский информационный концерн, 2001.

24. *Шугаев, И., прот.* Один раз на всю жизнь. Беседы со старшеклассниками о браке, семье, детях / прот. И. Шугаев. — 6 изд. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2010.
25. Энциклопедия мудрости. — М.: Роосса, 2007.
26. *Янушкявичюс, Р.В.* Основы нравственности / Р.В. Янушкявичюс, О.Л. Янушкявичене. — 5 изд. — М.: Православная педагогика, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

И.А. Ильин

Путь духовного обновления: О СЕМЬЕ²²

1. ЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ

Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения — родине и государству.

Семья начинается с брака и в нем завязывается. Но человек начинает свою жизнь в такой семье, которую он сам не создавал: это семья, учрежденная его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удастся осознать самого себя и окружающий его мир. Он получает эту семью как некий дар судьбы. Брак по самому существу своему возникает из выбора и решения, а ребенку не приходится выбирать и решать: отец и мать как бы образуют ту предустановленную для него судьбу, которая выпадает ему на его жизненную долю, и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить — ему остается только принять ее и нести всю жизнь. То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самим этим детством; существуют, конечно, врожденные склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов — разовьются ли они в дальнейшем или погибнут, и если расцветут, то как именно, — определяется в раннем детстве.

Вот почему семья является первичным лоном человеческой культуры. Мы все слагаемся в этом лоне, со всеми нашими возможностями, чувствами и хотениями; и каждый из нас остается в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески материнской семьи или как бы живым символом ее семейственного духа. Здесь пробуждаются и начинают разворачиваться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается великая личность или, может быть, низкий проходимец. Не прав ли Макс Мюллер, когда он пишет: «Я думаю, что там, где речь

---

²² *Ильин, И.А.* Путь духовного обновления: О семье / И.А. Ильин // Основы христианской культуры. — СПб., 2004.

идет о воспитании детей, к жизни надо подходить, как к чему-то в высшей степени серьезному, ответственному и высокому»; и не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: «Мир управляется из детской»... Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели. И если мы подумаем, что «следующее поколение» все время вновь нарождается и воспитывается и что все его будущие подвиги и преступления, его духовная сила и его возможное духовное крушение — уже теперь, все время, слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии, то мы сможем отдать себе отчет в том, какая ответственность лежит на нас...

Все это означает, что семья есть как бы живая «лаборатория» человеческих судеб — личных и народных, и притом каждого народа в отдельности и всех народов сообща, с тем отличием, однако, что в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают, что делают, и действуют, как придется. Ибо семейная «лаборатория» возникает от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиции и нужды; здесь люди не задаются никакой определенной творческой целью, а просто живут, удовлетворяют свои собственные потребности, изживают свои склонности и страсти и то удачно, то беспомощно несут последствия всего этого. Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека — быть отцом и матерью — делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы не задумываясь наложить на себя это призвание... «А чтоб иметь детей — кому ума не доставало?!» (Грибоедов). Вследствие этого утонченнейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле — искусство воспитания детей — почти всегда недооценивается и продешевляется; к нему и доселе подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рожать детей, как если бы существенным было именно зачатие и рождение, а остальное — именно воспитание — было бы совсем несущественно или могло бы делаться как-то так, «само собой». На самом же деле тут все обстоит совсем иначе. Окружающий нас мир людей таит в себе многое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб, о которых знают только духовники, врачи и прозорливые художники; и все эти явления сводятся в последнем счете к тому, что родители этих людей сумели их только родить и дать им жизнь, но открыть им путь к любви, к внутренней свободе, вере и совести, т. е. ко всему тому, что составляет источник духовного характера и истинного счастья, не сумели; родители по плоти сумели дать своим детям, кроме плотского существования, только одни душевные раны, иногда даже сами не замечая того, как они возникали у детей и въедались в душу, но не сумели дать им духовного опыта, этого целительного источника для всех страданий души...

Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз в те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая «пропасть», которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают «понимать» своих детей, а дети начинают жаловаться на «абсолютную отчужденность», водворившуюся в семью; и, не понимая, откуда это берется, и забывая свои собственные детские жалобы, выросшие дети завязывают новые семейные ячейки, в которых непонимание и отчуждение обнаруживаются с новой и большей силой. Непрозорливый наблюдатель мог бы прямо подумать, что «время» настолько «ускорило» свой бег,

что между родителями и детьми установилась все возрастающая душевно-духовная «дистанция», которую нельзя ни заполнить, ни преодолеть; тут, думают они, нельзя ничего поделаться: история спешит, эволюция с повышенной быстротой создает все новые уклады, вкусы и воззрения, старое стремительно старится, и каждое следующее десятилетие несет людям новое и неслыханное... Где же тут «угнаться за молодежью»? И все это говорится так, как если бы духовные основы жизни тоже подлежали веянию моды и технических изобретений...

В действительности это явление объясняется совсем иначе, а именно — заболеванием и оскудением человеческой духовности и в особенности духовной традиции. Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком духовного кризиса. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно — чувства взаимной духовной принадлежности. Половая потребность, инстинктивные влечения создают не брак, а всего только биологическое сочетание (спаривание); из такого сочетания возникает не семья, а элементарное рядом-жительство рождающих и рожденных (родителей и детей). Но «похоть плоти» есть нечто неустойчивое и самовольное; она тянет к безответственным изменам, к капризным новшествам и приключениям; у нее, так сказать, «короткое дыхание», едва достаточное для простого деторождения и совершенно не соответствующего задаче воспитания.

В действительности человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть целый остров духовной жизни. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. Понятно, почему это так было и бывает. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности — как в том смысле, что именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) быть личным духом, так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем на общественную, и государственную жизнь. Вот почему духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но, раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться — и во всех человеческих отношениях и организациях: большая клетка создает больные организмы.

Только дух имеет достаточно глубокое и длительное дыхание для того, чтобы творчески создавать и поддерживать естество семьи, чтобы успешно разрешать не только «проблему половой любви», но и проблему создания нового, лучшего и более свободного поколения. Поэтому формула брака звучит не так: «я жажду» или «я желаю», или «мне хочется», а скорее так: «в любви и через любовь я создаю новую, лучшую и более свободную человеческую жизнь»... Она звучит не так: «желаю наслаждаться моим счастьем» — ибо это была бы формула, уводящая брак на уровень простого спаривания, а скорее так: «я хочу создать свой собственный духовный очаг и в этом найти свое счастье»...

Всякая настоящая семья возникает из любви и дает человеку счастье. Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости; там, где брак не дает человеку счастья, он не выполняет своего первого назначения. Научить детей любви родители могут лишь тогда, если они сами в браке умели любить. Дать детям счастье родители могут лишь постольку, поскольку они сами нашли счастье в браке. Семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости. В просторе народной жизни она

подобна прекрасно распутившемуся цветку. Семья, лишенная этой здоровой центрированности, растрачивающая свои силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и «семейных сцен», есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений, неврастенической вялости и жизненного «неудачничества». Она подобна тем больным растениям, которым ни один хороший садовник не даст места в своем саду.

Если ребенок не научится любви в семье своих родителей, то где же он научится ей? Если он с детства не привыкнет искать счастья именно во взаимной любви, то в каких же злых и дурных влечениях он будет искать счастья в зрелом возрасте? Дети все перенимают и всему подражают, незаметно, но глубоко вчувствуясь в жизнь своих родителей, тонко подмечая, угадывая, иногда бессознательно следя за «старшими» наподобие «неутомимых следопытов». И тот, кому приходилось слышать и регистрировать детские высказывания, точки зрения и игры в несчастных и разлагающихся семьях, где жизнь есть сплошное мучительство, лицемерие и надрыв, тот знает, какое больное и губительное наследство получает от родителей такая несчастная детвора.

Чтобы развиваться верно и творчески, ребенок должен иметь в своей семье очаг любви и счастья. Только тогда он сможет развернуть свои нежнейшие и духовнейшие способности; только тогда его собственная инстинктивная жизнь не будет вызывать в нем ни ложного стыда, ни болезненного отвращения; только тогда он сможет прильнуть с любовью и гордостью к традиции своей семьи и своего рода с тем, чтобы принять ее и продолжить ее своей жизнью. Вот почему любовная и счастливая семья есть живая школа — сразу — и творческого равновесия души, и здорового органического консерватизма. Там, где царит здоровая семья, там творчество будет всегда достаточно консервативным для того, чтобы не выродиться в беспочвенную революционность, а консерватизм будет всегда достаточно творческим для того, чтобы не выродиться в реакционное мракобесие.

В любовной и счастливой семье воспитывается человек с неповрежденным душевным организмом, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать. Детство есть счастливейшее время жизни: время органической непосредственности; время уже начавшегося и еще предвкушаемого «большого» счастья; время, когда все прозаические «проблемы» безмолвствуют, а все поэтические проблемы зовут и обещают; время повышенной доверчивости и обостренной впечатлительности; время душевной незасоренности и искренности; время ласковой улыбки и бескорыстного доброжелательства. Чем любовнее и счастливее была родительская семья, тем больше этих свойств и способностей сохранится в человеке, тем больше такой детскости он внесет в свою взрослую жизнь, а это значит — тем неповрежденнее останется его душевный организм; тем естественнее, богаче и творчески продуктивнее расцветет его личность в лоне его родного народа.

И вот главным условием такой семейной жизни является способность родителей ко взаимной духовной любви. Ибо счастье дается только любовью долгого и глубокого дыхания, а такая любовь возможна только в духе и через дух.

2. О ДУХОВНО ЗДОРОВОЙ СЕМЬЕ

Напрасно думать, что духовность доступна только людям образованным, людям высокой культуры. История всех времен и народов показывает, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознания и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачивают ту непосредственную силу доверия к показаниям внутреннего опыта, которая необходима для духовной жизни. Ум, порвавший с глубиной чувства и с художественной силой воображения, привыкает обливаться все ядом праздного, разрушающего сомнения и поэтому оказывается в отношении духовной культуры не строящим, а разрушающим началом. Напротив, у людей наивно-непосредственных эта разрушающая сила еще не начинает

действовать. Человек малой «культурности» гораздо более способен прислушиваться к показаниям внутреннего опыта, т. е. прежде всего сердца, совести, чувства справедливости, чем человек хотя бы и большой, но рационалистической культуры. Простая душа наивна и доверчива; может быть, именно потому она легковерна и суеверна, и верит, где не надо, но зато самый дар веры у нее не отнят, а потому она способна верить и там, где надо. Пусть духовность ее — не критическая, малоразумная, недифференцированная, тянет к мифу и к магии, связана со страхом и может заблудиться в колдовстве. Но духовность ее несомненна и подлинна — и в способности внимать дыханию и зову Божию, и в любви сострадательной, и в любви патриотически-жертвенной, и в совестном акте, и в чувстве справедливости, и в способности наслаждаться красотой природы и искусства, и в проявлениях собственного достоинства, правосознания и деликатности. И напрасно образованный горожанин стал бы воображать, будто все это недоступно «необразованному крестьянину»!.. Словом, духовная любовь доступна всем людям, независимо от уровня их культурности. И всюду, где она обнаруживается, она является истинным источником прочности и красоты семейной жизни.

В самом деле, человек призван к тому, чтобы видеть и любить в любимой женщине (или соответственно — в любимом мужчине) не только плотское начало, не только телесное явление, но и «душу» — своеобразие личности, особливость характера, сердечную глубину, для которых внешний состав человека служит лишь телесным выражением или живым органом. Любовь только тогда является простым и кратковременным вожделением, непостоянным и мелким капризом плоти, когда человек, желая смертного и конечного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность, вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами — когда он ставит свою любовь перед лицом Божием и Божиими лучами освещает и измеряет любимого человека... В этом глубокий смысл христианского «венчания», венчающего супругов венцом радости и муки, венцом духовной славы и нравственной чести, венцом пожизненной и нерасторжимой духовной общности. Ибо вожделение может быстро пройти, оно бывает подслеповатым. И предчувствовавшееся наслаждение может обмануть или надоест. И что тогда? Взаимное отвращение прикрепленных друг к другу людей?.. Судьба человека, который в ослеплении связал себя, а прозрев — проклял свою связанность? Пожизненная унижительность ежедневной лжи и лицемерия? Или развод? Прочность семьи требует иного; люди должны желать не только утех любви, но и ответственного совместного творчества, духовной общности в жизни, в страдании и в ношении бремени, по древнеримской брачной формуле: «где ты, Кай, там и я, твоя Кая»...

То, что должно возникнуть из брака, есть прежде всего новое духовное единение и единство — единство мужа и жены: они должны понимать друг друга и делить радость и горе жизни; для этого они должны однородно воспринимать и жизнь, и мир, и людей. Здесь важно не душевное подобие, и не одинаковость характеров и темпераментов, а однородность духовных оценок, которая только и может создать единство и общность жизненной цели у обоих. Важно то, чему ты поклоняешься? чему молишься? что любишь? чего желаешь себе в жизни и в смерти? чем и во имя чего ты способен жертвовать? И вот жених и невеста должны найти друг в друге это одиночество и единолюбие, объединиться в том, что есть важнейшего в жизни и ради чего стоит жить... Ибо только тогда они сумеют, как муж и жена, всю жизнь верно воспринимать друг друга, верить друг другу и верить друг в друга. Это и есть самое драгоценное в браке: полное взаимное доверие перед Лицом Божиим, а с этим связано и взаимное уважение, и способность образовать новую, жизненно сильную духовную ячейку. Только такая ячейка может разрешить главную задачу брака и семьи — осуществить духовное воспитание детей. Воспитать ребенка — значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили ее, подарили своему народу и своей родине новый духовный очаг; они осуществили свое духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь сво-

его народа на земле: они сами вошли в ту Родину, которую стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть.

Итак, нет более верной основы для достойной и счастливой семейной жизни, как взаимная духовная любовь мужа и жены: любовь, в которой начала страсти и дружбы сливаются воедино, перерождаясь в нечто высшее — в огонь всестороннего единения. Такая любовь примет не только наслаждение и радость — и не вырождается, не выветрится, не огрубеет от них, но примет и всякое страдание, и всякое несчастье, чтобы осмыслить их, освятить их и очиститься через них. И только такая любовь может дать человеку тот запас взаимного понимания, взаимного снисхождения к слабостям и взаимного прощения, терпения, терпимости, преданности и верности, который необходим для счастливого брака.

Поэтому можно сказать, что счастливый брак возникает не просто из взаимной естественной склонности («по милу хорош»), но из духовного сродства людей («по хорошу мил»), которое вызывает непоколебимую волю — стать живым единством и соблюсти это единство во что бы то ни стало, и соблюсти его не только напоказ людям, но на самом деле, перед Лицом Божиим. В этом глубочайший смысл религиозного освящения брака и соответствующего церковного обряда. Но это составляет и первое, необходимейшее условие для верного, духовного воспитания детей.

Я уже указывал на то, что ребенок вступает в семью своих родителей как бы в доисторическую эпоху своей личности и начинает дышать воздухом этой семьи со своего первого физического вздоха. И вот в душном воздухе несогласной, неверной, несчастной семьи, в пошлой атмосфере бездуховного, безбожного прозябания не может расцвести здоровая детская душа. Ребенок может приобрести чутье и вкус к духу только у духовно осмысленного семейного очага; он может органически почувствовать всенародное единение и единство, только испытав это единство в своей семье, а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу накаленный уголь духовности, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни.

1. Так, семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни.

Блаженный Августин сказал однажды, что «человеческая душа — христианка от природы». Это слово особенно верно в применении к семье. Ибо в браке и в семье человек учится от природы — любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы естественной школой христианской любви, школой творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей. В здоровой семейной жизни душа человека с раннего детства обуздывается, смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием. В этом умягченном, любовном настроении она предварительно прикрепляется к тесному, домашнему кругу с тем, чтобы дальнейшая жизнь вывела ее в этой самой внутренней «установке» к широким кругам общества и народа.

2. Далее, семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию. Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индоевропейская и христианская культура — культура священного очага семьи: с ее благоговейным почитанием предков, с ее идеей священной межи, огораживающей родовые могилы; с ее исторически слагающимися национальными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины» — лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков — возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть

для ребенка первое родное место на земле; сначала — место-жилище, источник тепла и питания, потом — место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?

3. Далее, ребенок учится в семье верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь, и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от их возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека.

В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый — властвующий и организующий авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благодатною силою и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти: он научается тому, что принцип патриархального единодержавия содержит в себе нечто целесообразное и оздоровляющее; и, наконец, он начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что, наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе.

Так, семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

4. Пока семья будет существовать (а она будет существовать, как все природное, вечно), она будет школой здорового чувства частной собственности. Нетрудно убедиться, почему это так обстоит.

Семья есть данное от природы общественное единство — в жизни, в любви, в труде, в заработке и в имуществе. Чем прочнее, чем сплоченнее семья, тем обоснованнее является ее притязание на то, что творчески создали и приобрели ее родители и родители ее родителей. Это есть притязание на их хозяйственно-овеществленный труд, всегда сопряженный с лишениями, страданиями, с напряжением ума, воли и воображения; притязание — на наследственно передающееся имущество, на семейно приобретенную частную собственность, которая является сущим источником не только семейного, но и всенародного довольства.

Здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством — по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живым знаком кровного и духовного единства, ибо это имущество в том виде, как оно есть, возникло именно из этого кровного и духовного единения и на пути труда, дисциплины и жертв. Вот почему здоровая семья учит ребенка сразу целому ряду драгоценных умений. Ребенок научается пробивать себе в жизни дорогу при помощи собственной инициативы и в то же время

высоко ценить и соблюдать принцип социальной взаимопомощи; ибо семья, как целое, устраивает свою жизнь именно по частной, собственной инициативе — она есть самостоятельное творческое единство, а в своих собственных пределах семья есть настоящее воплощение взаимопомощи и так называемой «социальности». Ребенок научается постепенно быть «частным» лицом, самостоятельной индивидуальностью и в то же время ценить и беречь лоно семейной любви и семейственной солидарности; он научается самостоятельности и верности — этим двум основным проявлениям духовного характера. Он научается творчески обходиться с имуществом, вырабатывать, создавать и приобретать хозяйственные блага и в то же время — подчинять начала частной собственности некоторой высшей, социальной (в данном случае — семейной) целесообразности... А это и есть то самое умение или, лучше сказать, искусство, вне которого не может быть разрешен социальный вопрос нашей эпохи.

Само собой разумеется, что только здоровая семья может верно разрешить все эти задачи. Семья, лишенная любви и духовности, где родители не имеют авторитета в глазах детей, где нет единства ни в жизни, ни в труде, где нет наследственной традиции, — может дать ребенку очень мало или же не может дать ему ничего. Конечно, и в здоровой семье могут совершаться ошибки, могут слагаться в том или ином отношении «пробелы», которые способны повести к общей или частичной неудаче. Идеала нет на земле... Однако с уверенностью можно сказать, что родители, которые сумели приобщить своих детей к духовному опыту и вызвать в них процесс внутреннего самоосвобождения, будут всегда благословенны в сердцах детей... Ибо из этих двух основ вырастает и личный характер, и прочное счастье человека, и общественное благополучие.

3. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ

Все то, что мы доселе установили о духовно-здоровой семье, как бы предрешает вопрос об основных задачах воспитания.

Можно было бы просто сказать, что все воспитание ребенка или, во всяком случае, его основная задача состоит в том, чтобы ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы его сердце, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях. Надо как бы повести или сводить душу ребенка во все «места», где можно найти и пережить нечто божественное; постепенно все должно стать ей доступным — и природа во всей ее красоте, в ее величии и таинственной внутренней целесообразности, и та чудесная глубина, и та благородная радость, которую дает нам истинное искусство, и неподдельное сочувствие всему страдающему, и действенная любовь к ближнему, и блаженная сила совестного акта, и мужество национального героя, и творческая жизнь национального гения, с его одинокой борьбой и жертвенной ответственностью, и, главное: непосредственное молитвенное обращение к Богу, который и слышит, и любит, и помогает. Надо, чтобы ребенок получил доступ всюду, где Дух Божий дышит, зовет и раскрывается — как в самом человеке, так и в окружающем его мире... Душа ребенка должна научиться воспринимать сквозь весь земной шум и сквозь всю неиссякающую пошлость повседневной жизни священные следы и таинственные уроки Всевышнего, воспринимать их и следовать им, чтобы, внемля им, всю жизнь «обновляться духом ума своего» (Ефес. 4, 23). Подобно тому, как однажды выразил это Лафатер. «Внимай тихому гласу вещающего в тебе Господа»... Чтобы ребенок, вырастая и входя в пору зрелости, привык искать и находить во всем некий высший смысл; чтобы мир не лежал перед ним плоской, двумерной и скудной пустыней; чтобы он мог сказать миру вещей словами поэта:

Кругом обставшие меня

Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайного огня
Вы осиянны и согреты...

И мог закончить свою жизнь словами глубокомысленного созерцателя Баратынского:

Велик Господь! Он милосерд, но прав,
Нет на земле ничтожного мгновенья...

Духовно живой человек всегда внемлет Духу — и в событиях дня, и в невиданной грозе, и в мучительном недуге, и в крушении народа. И, вняв, отзывается не пассивно созерцательным пиетизмом, но и сердцем, и волею, и делом.

Итак, самое важное в воспитании — это духовно пробудить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни — источник силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу — духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма.

Как бы странно и сомнительно ни прозвучало это указание для педагогически неискушенного человека, но по существу оно остается непоколебимым: самое большое значение имеют первые пять-шесть лет детской жизни; а в следующее за ним десятилетие (с шестого по шестнадцатый год жизни) многое, слишком многое, завершается в человеке чуть ли не на всю жизнь. В первые годы детской жизни душа ребенка так нежна, так впечатлительна и беспомощна... Он как бы плывет в потоке наивной, непосредственной доверчивости и нашей бессознательной сферы, еще не создается в процессе вытеснения. Этот свод, который будет потом всю жизнь обуздывать кипение страстей и замыкать томление аффектов, подчиняя их творческой жизненной целесообразности, находится еще в стадии возникновения. В этот период жизни — впечатления открыта последняя глубина души; она вся всему доступна и не защищена никакой защитной броней; все может стать или уже становится ее судьбой, все может повредить ребенку или, как говорит народ, испортить ребенка. И действительно, все вредное, дурное, злобное, потрясающее или мучительное, что ребенок воспринимает в этот первый, роковой период своей жизни, — все причиняет ему душевную рану («травму»), последствия которой он потом влачит в себе через всю жизнь то в виде нервного подергивания, то в виде истерических припадков, то в виде уродливой склонности, извращения или прямой болезни. И обратно, все то светлое, духовное и любовное, что детская душа получает в эту первую эпоху, приносит потом, в течение всей жизни, обильный плод. В эти годы ребенка надо беречь, не терзать его никакими страхами и наказаниями, не будить в нем преждевременно элементарные и дурные инстинкты. Однако упускать эти годы в смысле духовного воспитания было бы столь же недопустимо и непростительно. Надо сделать так, чтобы в душу ребенка проникало как можно больше лучей любви, радости и Божией благодати. Здесь надо не баловать ребенка, не потакать его капризам, не изнеживать его и не топить его в физических ласках, но заботиться о том, чтобы ему нравилось, чтобы его умиляло и радовало все то, что есть в жизни божественного, — от солнечного луча до нежной мелодии, от жалости, сжимающей сердце, до прелестной бабочки, от первой, лепетом сказанной молитвы до героической сказки и легенды... Родители могут быть твердо уверены: здесь ничто не пропадет, ничто не канет бесследно; все даст плоды, все принесет хвалу и совершение. Но пусть никогда ребенок не будет для родителей игрушкой и забавой; пусть он будет для них нежным цветком, который нуждается в солнце, но который так легко может быть незаметно надломлен. Именно в эти первые годы детства, когда ребенок считается «несмышленищем», родители должны помнить при всяком обхождении с ним, что дело не в их родительских восторгах, наслаждениях и забавах, а в

состоянии детской души, абсолютно впечатлительной и (именно вследствие «несмыслия» своего) абсолютно беспомощной...

Итак, до пяти–шести лет, т. е. до самого «вытесняющего» перелома в детской душе, ребенка нужно душевно беречь, как нежный цветок, с тем, чтобы затем постепенно изменить весь тон воспитания: ибо после периода душевной теплицы должен наступить период душевного закала; ребенок должен приучаться внутренне к самообладанию и к высоким требованиям; и этот процесс дастся ему тем легче, чем меньше «травм» он вынесет из первого периода. В нежнейшую эпоху своей жизни ребенок должен привыкнуть к семье — к любви, а не к ненависти и зависти; к спокойному мужеству и самодисциплине, а не к страху, унижениям, доносам и предательству. Ибо воистину — мир можно пересоздать, перевоспитать из детской, но в детской же можно его и погубить.

Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность в чистой любви, склонить к мужественной искренности и способность к спокойной и достойной дисциплине.

Чистота любви, о которой здесь идет речь, имеет в виду эротическую сторону жизни.

Вряд ли есть что-нибудь более вредное для жизни и для всей судьбы ребенка, как слишком раннее эротическое пробуждение его души, в особенности, если это пробуждение происходит в той форме, что ребенок начинает воспринимать жизнь пола как что-то низменное и грязное, как предмет тайных мечтаний и постыдных забав, или еще — если это пробуждение вызывается неосторожностями или прямыми грубостями со стороны нянек, воспитателей или родителей...

Вредность преждевременного эротического пробуждения состоит в том, что на юную душу возлагается непосильная задача, которую она не может ни разрешить, ни изжить, ни достойно понести или устранить. Тогда ребенок оказывается без вины виноватым и безысходно обремененным; начинается бесплодная и нечистая работа воображения, сопровождающаяся судорожными попытками вытеснить весь этот непосильный заряд и в то же время — болезненными напряжениями нервной системы. Начинаются внутренние конфликты и страдания, с которыми ребенок не может справиться; ему приходится отвечать за невольные настроения и поступки; и ответственность эта превышает его душевные силы; в последней родовой глубине инстинкта начинается болезненное смятение, о котором ребенок не может даже совсем высказаться, — и весь организм души и тела оказывается выведенным из равновесия. Большинство так называемых «дефективных» детей проходит этот страдальческий путь без всякой вины и очень редко встречает со стороны взрослых чуткое понимание и помощь...

Нередко бывает и хуже, именно, когда кто-нибудь из «товарищей» или взрослых, испорченных дурным опытом, начинает «просвещать» (т. е. портить) ребенка в вопросах половой жизни. Там, где для чистой и целомудренной души, собственно говоря, нет ничего «грязного» («ибо всякое творение Божие хорошо». Тимофею. I. 4. 4), несмотря на все человеческие несовершенства, заблуждения и болезни, — потому что «грязное», чисто воспринятое, есть уже не «грязное», а больное или трагическое — там, в душе такого несчастного ребенка, искажается жизнь воображения и развращается жизнь чувства, причем это искажение и развращение может излиться и в настоящее неисцелимое душевное уродство. Душевное восприятие такого ребенка становится пошлым или полуслепым — он как бы не видит чистого в жизни, а видит во всем двусмысленное и грязное; с этой точки зрения он начинает воспринимать всю человеческую любовь, и притом не только ее чувственную сторону, но и духовную. Чистое осмеивается; интимное и нежное забрасывается уличной грязью; здоровый половой инстинкт начинает тянуть к извращениям; все священное в любви, в браке и в семье оказывается вывернутым, оскверненным и утраченным. Там, где уместно благоговейное молчание, шепот или молитва, водворяется атмосфера двусмысленных улыбок и плоского подмигивания. Душевное целомудрие гибнет; воцаряется бесстыдство и бесцеремонность; все священные удержки и запреты души колеблются; ребенок

оказывается душевно растленным и как бы проституированным. Человек переживает целое духовное опустошение: в его «любви» отмирает все священное и поэтическое, чем живет и строится человеческая культура; начинается разложение семьи. Можно было бы прямо сказать, что в процессе современного разложения семьи и связанной с ним большевизации нравов — вреднейшее и разрушительное значение принадлежит непристойному анекдоту, внесенному в детскую. Порнография есть одно из величайших зол в деле воспитания; и чем скорее родители, воспитатели и духовники объединятся между собою для того, чтобы повести против нее решительную и неутомимую борьбу, полную осторожного такта и психологического искусства, тем лучше будет для всего человечества.

Еще одна серьезная опасность грозит эротически чистой любви ребенка — от неосторожных или грубых родительских проявлений.

При этом я имею в виду прежде всего так называемую «обезьянью» любовь родителей, т. е. слишком чувственную влюбленность их в ребенка, которого они то и дело волнуют всевозможными и неумеренными физическими ласками, заигрываниями щекоткой, возней, не постигая безрассудства и вредности всего этого; этим они, с одной стороны, вызывают в душе ребенка целый поток напрасного и неутолимого возбуждения и причиняют ему ненужные душевные «травмы», с другой стороны — избаловывают и изнеживают его, подрывая его способность к выдержке и самообладанию.

Наряду с этим надо поставить и всевозможные неумеренные проявления взаимной любви родителей в присутствии детей. Супружеское ложе родителей должно быть прикрыто для детей целомудренной тайной, хранимой естественно и неподчеркнуто; пренебрежение этим вызывает в душах детей самые нежелательные последствия, о которых следовало бы написать целое научное исследование... Во всем и всегда есть некая правильная и драгоценная мера, которую люди должны блюсти, а в данном случае эта мера может быть предсказана только живым чувством такта и в особенности врожденным женщине естественным и мудрым целомудрием.

Помимо всего этого, должны быть особо упомянуты те разрушительные для семейной жизни взаимные «супружеские измены» со стороны родителей, которые дети подмечают с таким ужасом и переживают так болезненно; иногда такие события переживаются детьми как настоящие душевные катастрофы. Родители всегда должны помнить о том, что дети не просто «воспринимают» отца и мать или «подмечают» за ними, но что они в глубине души идеализируют их, мечтают о них и втайне жаждут видеть в них идеал совершенства. Конечно, с самого начала ясно, что каждому ребенку предстоит пережить в этом вопросе некоторое разочарование, ибо совершенных людей нет, совершенство принадлежит одному Богу. Но это неизбежное разочарование не должно приходить слишком рано, оно не должно быть слишком острым и глубоким, оно не должно обрушиваться на ребенка в виде катастрофы. Тот час, когда ребенок утрачивает уважение к отцу или матери, — хотя бы никто не заметил этого крушения, хотя бы и сам ребенок пережил его в молчаливом разочаровании или даже отчаянии, — этот час обозначает собою духовную катастрофу семьи; и редкой семье удастся оправиться впоследствии от этой катастрофы.

Словом, счастливый ребенок наслаждается в счастливой семье эротически чистой атмосферой. Для этого родителям необходимо искусство духовно-целомудренной любви.

Второй особенностью здоровой семьи является атмосфера искренности.

Родители и воспитатели не должны лгать детям ни в каких важных, значительных обстоятельствах жизни. Всякую ложь, всякий обман, всякую симуляцию или диссимуляцию ребенок подмечает с чрезвычайной остротой и быстротой: и, подметив, впадает в смущение, соблазн и подозрительность. Если ребенку нельзя сообщить что-нибудь, то всегда лучше честно и прямо отказать ему в ответ или

провести определенную границу в осведомлении, чем выдумывать вздор и потом запутываться в нем или чем лгать и обманывать, и потом быть изобличенным детской пронизательностью. И не следует говорить так: «это тебе рано знать» или «этого ты все равно не поймешь»; такие ответы только раздражают в душе ребенка любопытство и самолюбие. Лучше отвечать так: «я не имею права сказать тебе это; каждый человек обязан хранить известные секреты, а допытываться о чужих секретах неделикатно и нескромно». Этим не нарушается прямота и искренность и дается конкретный урок долга, дисциплины и деликатности...

Родителям и воспитателям совершенно необходимо понять, что переживает ребенок, встречая с их стороны ложь или обман. Ребенок прежде всего теряет непосредственное доверие к родителям; он наталкивается на стену неправды в них, и чем холоднее, изворотливее, циничнее преподносится ему эта неправда, тем ядовитее она оказывается для детской души. Поколебавшись в доверии, ребенок становится подозрителен и ждет новой лжи и обмана; он колеблется и в своем уважении к родителям. В силу естественной подражательности он начинает отвечать им тем же, постепенно замыкается от них и приучается сам лгать и обманывать. Это переносится и на других людей; у ребенка появляется склонность к хитрости и неверности вообще. В нем исчезает ясность и прозрачность души; он начинает жить сначала мелкими, а потом и крупными самообманами. Кризис доверия вызывает (рано или поздно) и кризис веры, ибо вера требует душевной цельности и искренности. Итак, все основы духовного характера приходят у ребенка в состояние кризиса или оказываются просто подорванными. В душе водворяется та атмосфера лукавства, притворства и малодушия, к которой человек постепенно привыкает настолько, что перестает замечать ее, а из этой атмосферы и вырастают потом все большие интриги и предательства.

Никогда из лживой, пролганной семьи не выйдет искренний, верный и мужественный человек; разве только в порядке отвращения к своей семье и духовного преодоления ее наследия. Ибо ложь растлевает человека незаметно, незаметно проникая из невинных пустяков в глубину священных обстоятельств; и удержать ее действие на поверхности житейских пустяков могут только люди с уже сложившимся духовным характером, люди, уже утвердившиеся в Боге. И если в современном мире все кишит открытой ложью, обманом, неверностью, интригой, предательством и изменой своей родине, то это несчастье имеет свои корни в двух явлениях: во всеобщем религиозном кризисе и в атмосфере семейной лживости. Из семьи, где все построено на фальши и трусости, где сердце утратило искренность и мужество, в общество и в мир вступают только фальшивые люди. Но там, где в семье царит и ведет дух прямоты и искренности, там дети оказываются предрасположенными к честности и верности. Лживость в детской ядовита тем, что она приучает человека к нечестности наедине с собою и к подлости с другими.

Есть особое искусство правдивости и искренности, которое нередко требует от человека больших совестных напряжений внутри и большого такта в обхождении с людьми и, сверх того, всегда — мужества. Это искусство дается нелегко, но в здоровых и счастливых семьях оно процветает всегда.

Наконец, особенностью здоровой и счастливой семьи является спокойная, достойная дисциплина.

Такая дисциплина не может возникнуть из атмосферы родительского террора, от кого бы он ни исходил — от отца или от матери. Такая система террора, поддерживаемая криками и угрозами, моральным гнетом или телесными наказаниями, вызывает у здорового ребенка чувство возмущения, легко переходящее в отвращение, ненависть и презрение. Ребенок чувствует себя унижаемым и не может не возмущаться; эта система изливает на него поток оскорблений, и он не может не противостоять им. Эти унижения и оскорбления он может, что называется, «проглатывать» и сносить молча; но его бессознательное никогда не изживет этих травм и

не простит их родителям. Там, где семейная власть осуществляется угрозами и страхом, там на каждом шагу ощущается враждебная напряженность; там воцаряется система «защитного обмана» и лукавства; там оба поколения остаются, быть может, еще в состоянии пространственного рядом-жительства, но семья как живое, органическое единство, держащееся силою взаимной любви и доверия, оказывается разрушенной. Дети, униженные угрозами, наказаниями и вечным страхом, защищаются всеми средствами и постепенно приучаются, иногда сами того не замечая, к внутренней вседозволенности. И если эта атмосфера вседозволенности устанавливается в их отношении к родителям, то что же можно будет ждать от них в их отношении к другим, посторонним людям? Восстание против родителей перевертывает в человеческом сердце все нормальные основы общежития — чувство ранга, идею свободно признанного авторитета, начала лояльности, верности, дисциплины, чувство долга и правосознания; и семейный террор оказывается одним из главных источников общественной деморализации и политической революционности. Семья становится школой вечного, несытого бунтарства; и проявления его могут стать фатальными в жизни народа и государства.

Настоящая, подлинная дисциплина есть по существу своему не что иное, как внутреннее самообладание, присущее самому дисциплинированному человеку. Она не есть ни душевный «механизм», ни так называемый «условный рефлекс». Она присуща человеку изнутри, душевно, органически; так что если в ней есть элемент «механизма» или «механичности», то дисциплина все-таки органически предписывается человеком самому себе. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде всего проявление внутренней свободы, т. е. духовного самообладания и самоуправления. Она принимается и поддерживается добровольно и сознательно. Труднейшая часть воспитания и состоит в том, чтобы укрепить в ребенке волю, способную к автономному самообладанию. Способность эту надо понимать не только в том смысле, чтобы душа умела сдерживать и понуждать себя, но и в том смысле, чтобы это было ей нетрудно. Разнузданному человеку всякий запрет труден; дисциплинированному человеку всякая дисциплина легка: ибо, владея собой, он может уложить себя в любую, благую и осмысленную форму. И тогда владеющий собою способен повелевать и другими. Вот почему русская пословица говорит: «превысокое владительство — собою владеть»...

Однако эта способность владеть собою, которая дается человеку тем труднее, чем страстнее и разностороннее его душа, не должна превращать внутреннюю жизнь в какое-то подобие тюрьмы или каторги. Поистине настоящая дисциплина и организация имеются лишь там, где, образно выражаясь, последняя капля пота, вызванная дисциплинирующим и организующим усилием и напряжением, стерта с чела или, еще лучше — где усилие было легко и напряжение совсем не вызвало ее. Дисциплина не должна становиться высшей или самодовлеющей целью: она не должна развиваться в ущерб свободе и искренности в семейной жизни; она должна быть духовным умением или даже искусством и не должна превращаться в тягостный догмат или в душевное каменение; она не должна парализовывать любовь и духовное общение в семейной жизни. Словом, чем незаметнее прививается детям дисциплина и чем менее она при соблюдении ее бросается в глаза, тем удачнее протекает воспитание. И если это достигнуто, то дисциплина удалась и задача разрешена. И, может быть, для ее удачного разрешения лучше всего положить в основу самообладания свободный совестный акт.

Итак, есть особое искусство повеления и запрета, оно дается не легко. Но в здоровых и счастливых семьях оно цветет всегда.

Однажды Кант высказал о воспитании простое, но верное слово: «Воспитание есть величайшая и труднейшая проблема, которая может быть поставлена человеку». И вот эта проблема, действительно, раз навсегда поставлена огромному большинству людей. Разрешение этой проблемы, от которой всегда зависит будущее человечества,

начинается в лоне семьи, и заменить семью в этом деле ничто не может: ибо только в семье природа дарует необходимую для воспитания любовь, и притом с такою щедростью, как нигде более. Никакие «детские сады», «детские дома», «приюты» и тому подобные фальшивые замены семьи никогда не дадут ребенку необходимого: ибо главной силой воспитания является то взаимное чувство личной незаменимости, которое связывает родителей с ребенком и ребенка с родителями связью единственной в своем роде — таинственной связью кровной любви. В семье и только в семье ребенок чувствует себя единственным и незаменимым, выстраданным и неотрывным, кровью от крови и костью от кости — существом, возникшим в сокровенной совместности двух других существ и обязанным им своей жизнью, личностью, раз навсегда приятною и милою во всем ее телесном — душевном — духовном своеобразии. Это не может быть ничем заменено; и как бы трогательно ни воспитывался иной приемыш, он всегда будет вздыхать про себя о своем кровном отце и о своей кровной матери...

Именно семья дарит человеку два священных, первообраза, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: первообраз чистой матери, несущей любовь, милость и защиту, и первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, у которого в душе нет места для этих зиждительных и ведущих первообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников духовной любви и духовной веры! Ибо поддонные силы его души, не пробужденные и не взлелеянные этими благими, ангелоподобными образами, могут остаться в пожизненной скованности и мертвости.

Суровой и мрачной стала бы судьба человечества, если бы однажды в душах людей до конца иссякли эти священные источники. Тогда жизнь превратилась бы в пустыню, деяния людей стали бы злодеяниями, а культура погибла бы в океане нового варварства.

Эту таинственную связь человека со священными силами, или «прообразами», которые открываются ему в недрах его семьи и рода, с дивною силою почуял и выговорил Пушкин: один раз, в язычески-мифологической форме, именуя эти прообразы «пенатами», или «домашними божествами»; другой раз — в обращении к тому, что знаменует жилище семьи и священный прах предков.

...Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты! вам пою
Ответный гимн. Советники Зевеса...
Примите гимн, таинственные силы!..
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волнением
Оставил я людское стадо наше,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя один с самим собою. <Да,>
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают нам знать сердечную глубину,
В могуществе и в немощах сердечных
Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат:
Чтить самого себя. О, нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

Так, из духа семьи и рода, из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке чувство собственного

духовного достоинства, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности. Напротив, презрение к прошлому, к своим предкам и, следовательно, к истории своего народа, порождает в человеке безродную, безотечественную, рабскую психологию. А это означает, что семья есть первооснова родины.

Во втором отрывке Пушкин выражает эту мысль с еще большей точностью и страстностью.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,—
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

Так, семья есть первичное лоно человеческой духовности, а потому и всей духовной культуры, и прежде всего — родины.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И УПРАЖНЕНИЯ

Упражнения, способствующие запуску групповой динамики²³

Упражнение «Самопрезентация»

Участники группы садятся в круг и по очереди рассказывают о себе. Для облегчения процедуры можно использовать какой-либо небольшой предмет (умещающийся в ладони: маленький мячик, шарик, ракушку и т. п.), передаваемый по кругу вместе с предоставлением слова для самопрезентации.

Время рассказа о себе — от одной до трех минут, форма рассказа — свободная.

Упражнение «Мое имя»

Между живущих людей безымянным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий, и знатный
Имя свое от родителей в сладостный дар получает...
Гомер «Одиссея»

Участникам группы дается задание подготовить рассказ о своем имени. Ориентировочный план рассказа может быть следующим:

- почему родители дали такое имя;
- каково значение, происхождение имени; известны ли легенды, связанные с ним;
- кто из выдающихся личностей имел такое имя и является ли для участника группы эта личность значимой;
- каково отношение участника группы к своему имени; как к имени относятся окружающие.

Рассказ об имени каждый готовит самостоятельно в течение 5–7 минут. После презентации имен может быть проведено обсуждение услышанного.

В процессе обсуждения часто оказывается, что участники группы «открыли» для себя не только другие имена, рассказы о которых услышали на занятии, но и свое собственное имя. Многие просто не задумывались о своих именах, об их содержании и звучании.

Упражнение «Личный герб и девиз»

Герб и девиз являются такими символами, которые предоставляют человеку возможность в предельно лаконичной форме отразить жизненную философию и свое кредо. Это один из способов заставить человека задуматься, сформулировать, описать и представить другим главные стержни своих мировоззренческих позиций.

---

²³ Разработаны И.В. Вачковым; подробно приводятся в книге: *Вачков, И.В. Психология тренинговой работы: Содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы / И.В. Вачков . — М., 2007. — С. 166–191.*

Потомки дворянских родов получали герб и девиз в наследство. И должны были свято хранить честь рода, его жизненные ценности.

Может быть, среди участников группы тоже окажутся потомки русских дворян. Они могут изобразить герб своего рода.

Всем участникам предлагается создать свой личный герб, снабженный девизом. Если в группе есть пары, собирающиеся в ближайшее время заключить брак, можно предложить им создать герб своей будущей семьи.

Герб, снабженный девизом, изображается с помощью красок или фломастеров на листах ватмана форматом А3. Герб должен иметь характерную форму. Контур делится на четыре области: горизонтальная линия отделяет нижнюю треть, в верхней части герба выделяется три области (левая и правая — равные прямоугольные трапеции основанием вверх, средняя — равнобедренная трапеция основанием вниз). Каждая область герба имеет свое назначение и символически передает необходимую информацию:

— левая часть отражает прошлое человека (то, что он уже сделал, чего достиг);

— средняя часть — его настоящее (как он себя воспринимает);

— правая часть — будущее: главную цель человека в жизни.

Нижняя часть (нижняя треть герба) содержит жизненное кредо (главный девиз), которым человек считает нужным руководствоваться в течение всей своей жизни.

Чтобы активизировать работу участников группы, ведущему можно принести на занятие изображения гербов старинных родов, рассказать об их символике, прокомментировать девизы.

На работу выделяется не менее получаса. Неплохо, если рисование сопровождается спокойной музыкой.

По окончании работы участники группы представляют свои гербы и девизы. Во время презентации можно задавать уточняющие вопросы друг другу. После презентации проводится обсуждение. Участники отмечают гербы и девизы, схожие с их собственными.

Упражнения для использования в основном блоке занятий

Упражнение «Благородные имена»

Цель: актуализировать умение выделять хорошие стороны в личности другого человека.

Каждый из участников приносит фотографии 2–3 хорошо знакомых людей (взрослых и детей) и рассказывает о них всей группе. Слушатели могут задавать вопросы. Затем фотографии «идут по кругу», и каждый из участников придумывает прилагательное (или существительное), которое добавляется к имени данного человека и отражает уважение к нему, симпатию. В итоге должно получиться «благородное имя» — например, «Ярослав Мудрый», «Марья-искусница».

Упражнение «Благодарю тебя...»

Цель: научиться замечать помощь Другого, его вклад в нашу собственную жизнь и быть благодарным.

Участникам группы предлагается подумать, за что они могут быть благодарными близким людям. Рекомендуются не останавливаться только на внешних моментах, типа «чистых рубашек» и «вкусных обедов».

Затем — по кругу — высказать слова благодарности и признательности каждому из участников группы.

В ходе последующего обсуждения ведущий предлагает взять каждому за правило: быть благодарным Другому. Не стесняться отмечать глазами, улыбкой и обязательно

словами все, что нравится в действиях и поступках другого человека, благодарить его за помощь и участие в вашей жизни. И делать это искренне!

Упражнение «Симпатии-антипатии»

Цель: осмысление особенностей восприятия представителей противоположного пола.

Участники делятся на группы юношей и девушек. Каждой группе предлагается список заданий.

Задания для юношей:

1. Назовите пять причин, почему девушки могут не вызывать симпатии (не нравиться).
2. Назовите пять причин (качеств), по которым девушка всегда будет симпатична, интересна, привлекательна.
3. Девушки не правы, когда думают...
4. Мы бы хотели пожелать девушкам...

Задания для девушек:

1. Назовите пять причин, почему юноши могут не вызывать симпатии (не нравиться).
2. Назовите пять причин (качеств), по которым юноша всегда будет интересен, привлекателен.
3. Юноши не правы, когда думают...
4. Мы бы хотели пожелать юношам...

Участники каждой команды после коллективного обсуждения записывают ответы на данные вопросы на листах ватмана и передают результаты своих групповых работ другой команде (юноши — девушкам, а девушки — юношам). Каждая группа знакомится с работками другой команды, коллективно их обсуждает. Как правило, ответы представителей противоположного пола вызывают яркую эмоциональную реакцию, желание что-то прояснить, спросить. Для этого ведущий предоставляет право каждой команде продумать вопросы на уточнение и задать их команде представителей противоположного пола или высказать аргументированные возражения, если они имеются.

Упражнение «Ты-осуждения — в Я-высказывания»

Цель: продемонстрировать неэффективность авторитарного стиля взаимодействия и настроить на диалоговое общение с Другим.

Проводится в форме ролевой игры. Участникам предлагается, разбившись на пары, придумать (вспомнить) те или иные конфликтные ситуации, возникающие в общении между молодыми людьми (супругами, родителем и ребенком), и проиграть их сначала в форме «Ты-осуждений», а потом — переделав в «Я-высказывания».

Упражнение «Удержи свою позицию»

Цель: освободиться от чрезмерной зависимости от окружающих людей (боязни их неодобрительных оценок, стремления постоянно соответствовать их ожиданиям), научиться спокойно и уверенно говорить «нет».

Участники вспоминают ситуации, в которых они не сумели сказать «нет» из-за боязни потерять доброе расположение собеседника (вызвать у него обиду или рассердить). Ситуации анализируются, вырабатывается линия поведения, удерживающая собственную позицию, которая затем отыгрывается в парах.

Усложненный вариант упражнения: *«Нет! — в ответ на улыбку»*.

Улыбка — это прекрасно, она всегда красит человека. Но на улыбку и «ловят». Человек улыбнулся в ответ — значит, сказал «Да». А это не всегда самый правильный ответ. Чтобы стать более свободным, нужно научиться говорить «нет» даже в ответ на улыбку.

Упражнение «Как пережить неудачу»

Анализируя прошедшее, попробуйте отделить то, что, в принципе, зависело от ваших усилий, и то, что от вас не зависело. Эти две стороны могут быть выделены в каждом событии. Разделив их, можно достойно принять неизбежное и совершенствовать то, что возможно. При этом разумно учесть мнения близких, товарищей и даже недругов, если научиться воспринимать их слова не как укол, а извлекать из этого информацию.

Подводя итог, определите, что невозможно изменить и стоит лишь учитывать в будущем. Например, особенности характера другого человека или его состояние здоровья. Помните, что неудача сама по себе не может унижить человека, если ему удалось достойно встретить неприятное событие — он победил.

Упражнение «Отказ от манипуляции»

Цель: побудить участников группы к мужественному узнаванию в себе склонности к манипулированию и к желанию выработать более гармоничные формы отношений с Другим.

Предварительно участники должны познакомиться с основными манипулятивными типами (по Э. Шострому²⁴).

На занятии группа разделяется на подгруппы. Каждая подгруппа представляет ситуации (реальные или вымышленные), где фигурируют манипуляторы: «Диктатор», «Тряпка», «Калькулятор», «Прилипала», «Хулиган», «Славный парень», «Судья», «Защитник». Обсуждаются способы противодействия манипуляциям, а также преодоления в себе установок на манипулятивное общение.

Упражнение «Решение как ценностный выбор»

Цель: осознать, что в основе принятия решения всегда лежит [неосознанный, интуитивный] ценностный выбор.

Задания

1. Участники вспоминают трудные для себя жизненные ситуации, в которых они находились ранее, а может быть, и переживают их сейчас. Обращаясь к этим ситуациям, они должны постараться отказаться от рационального взвешивания аргументов («за» и «против»), но постараться внимательно прислушаться к своему внутреннему «Я». Попробовать принять решение, доверяя интуиции. Выбор в своей сокровенной части — это не рассудочно-сознательная самоуверенность («Я рассудил и решил»), а доверие к интуиции.

---

²⁴ Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Э. Шостром; пер. с англ. — М., 1994.

2. После принятия решения проанализировать, какие ценности лежали в основе альтернатив и какой ценностью был продиктован сделанный выбор.

В ходе процедуры анализа может возникнуть множество вопросов, от которых не следует уклоняться, но, наоборот, сознательно фиксировать их. Например, ответить на такие вопросы: «Мои ли это ценности? Хочу ли я им следовать? Могу ли я поступиться своими привычками, чтобы следовать данным ценностям? И т. д.». Ответы на вопросы желательно давать письменно. Критерием здесь является ощущение «жизненности» выбора, его органичности, соответствия силам, возможностям, устремлениям.

Упражнение «Развитие решительности»

Цель: оценить свою стратегию принятия решений, осознать необходимость принятия последствий выбора (несения ответственности за принятое решение).

Упражнение начинается с того, что каждый из участников пытается отрефлексировать (подкрепляя примерами) свою личную стратегию принятия решений.

Обобщая высказывания участников, ведущий обозначает 3 типа стратегий принятия решений:

— рациональную (опирающуюся на рассудительность: стремление взвесить все «за» и «против»);

— интуитивную (опирающуюся на интуицию, голос внутреннего «Я»);

— импульсивную (исходящую из внешних обстоятельств, а не из данных собственной внутренней активности — рассудка или интуиции).

Обсуждается непродуктивность рациональной и импульсивной стратегий: представители первой — исходя из нереалистичного желания получить гарантии, исключая какой-либо риск — часто «застревают», так и не приняв никакого решения; представители второй действуют торопливо и, в случаях неудачи, всю вину перекладывают на окружающих. Показывается, что в основе как рациональной, так и импульсивной стратегий лежит стремление уйти от ответственности за принимаемое решение, нежелание жертвовать чем-то ради выбираемой альтернативы.

Ведущий должен показать участникам группы, что выбор всегда сопряжен с жертвой, раскрыть экзистенциальную ценность акта жертвы.

Для этого может быть использована психотехника «Актуализация ценности». Участники группы в чувственно-символической форме должны представить ту ценность, ради которой осуществляется жертва (выбор). Постараться ощутить непосредственную связь с этой ценностью.

Если возникает ощущение непереносимости утраты, следует воспользоваться техникой «расслоения утрачиваемого отношения». Попытаться расслоить жизненное отношение, вызывающее ощущение непереносимой утраты, на ценностно-смысловую сущность и операциональный состав жертвуемого жизненного отношения. Затем включить этот операциональный состав в другой жизненный контекст, не противоречащий сделанному выбору. В результате — жертвуемое жизненное отношение не «выбрасывается», а, расслаиваясь, включается в новую жизненную ситуацию.

Упражнение «Ребенок в моей жизни»

Цели: снять эгоцентричную установку по отношению к ребенку, сформировать представление о ребенке как продолжателе рода, обозначить родительскую задачу: вырастить из ребенка взрослого человека.

Участники группы размышляют о том, какие чувства и настроения у них возникают при мысли о ребенке, какой образ обычно их сопровождает.

Проводится групповое обсуждение высказанных мнений.

Обсуждение может быть дополнено следующими заданиями:

1. Рисование на тему «Мой будущий ребенок в образе растения».

Рисование может быть мысленным, с последующим обсуждением возникших образов.

Желательно, чтобы у ведущего предварительно были заготовлены такие варианты рисунков:

- молодой дубок посреди зеленой лужайки;
- красивый цветок в центре клумбы;
- красивый цветок в красивой вазе;
- маленький цветок под сенью дерева (деревьев);
- молодой побег на ветке большого дерева.

Наличие рисунков позволит дать косвенную оценку установкам по отношению к ребенку. Ведущий должен прокомментировать каждый из рисунков с точки зрения основной родительской задачи: вырастить из ребенка взрослого человека.

2. Завершение предложений:

- «Я хочу дать ребенку...»;
- «С появлением ребенка со мной произойдут изменения...»;
- «Я жду от ребенка...».

Упражнения, предлагаемые как домашние задания

Упражнение «Письмо психологической поддержки»

Цель: освоение технологии психологической поддержки.

Написать близкому человеку (взрослому или ребенку) письмо в 1–2 страницы. Письмо может быть приурочено к какому-либо событию. Это письмо должно актуализировать творческий потенциал адресата, стимулировать его активность, воодушевлять энергией и волей к жизни.

На занятиях в группе проводится обсуждение процесса выполнения задания (какие трудности возникали, как преодолевались); можно предложить участникам зачитать свои письма. В процессе групповой работы вырабатываются рекомендации по написанию таких писем.

Упражнение «Мир тебе»

Цель: формировать внутреннюю установку на общение с человеком как «Мир тебе!»

В процессе спора или выяснения отношений каждые три минуты вспоминайте и повторяйте: «Мир тебе!» Это поможет не «перегнуть палку».

Упражнение «Приятный разговор»

Цель: научиться делать разговор приятным. Прав собеседник или нет, сделайте так, чтобы ему было с вами хорошо. Старайтесь говорить меньше, мягче, тише, соглашаться, а не возражать. Чаще говорите «да», а не «нет». Избегайте категоричных фраз и интонаций.

Упражнение «Гроза отменяется»

Цель: научиться сдерживать свои отрицательные эмоции. Окружающим очень тяжело их переносить. Попробуйте целую неделю всем все прощать, принимать с пониманием, не критиковать, не делать замечаний и не осуждать.

Упражнение «Мудрец»

Цель: учиться созерцательному взгляду на жизнь и умению проигрывать. Любой проигрыш — это всегда новый опыт и возможность извлечь из этого урок. Что бы ни произошло, прежде чем негодовать или расстраиваться, спросите себя: «А как бы к этому отнесся мудрый человек?»

Приложение 3

МАТЕРИАЛЫ И СЮЖЕТЫ В ПОМОЩЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУССИЙ

К теме «Счастье»

Счастье

*Восточная притча*²⁵

Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок.

— Что еще слепить тебе? — спросил Бог.

— Слепи мне счастье, — попросил человек.

Ничего не ответил Бог, и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины.

Встреча и любовь

По: Митрополит Антоний (Сурожский). Встреча²⁶

Мы постоянно, из часа в час, проходим мимо людей — не видим их, не слышим их. Иногда мы можем их описать, но только внешность; мы воспринимаем физическую оболочку — и только; мы ею часто дорожим — и только. А того, чем светится человек, мы даже не замечаем...

Большей частью мы относимся друг к другу, к тем, кто нас окружает, как к обстоятельствам нашей собственной жизни. Мы — в центре, и вокруг нас движутся — или не движутся — явления; предметы не движутся, а звери и люди движутся — вот часто и вся разница. Мы знаем, что такой-то человек нам пригоден, а такой-то

---

²⁵ *Евтихов, О.В.* Грааль мудрости. Кн. 2 / О.В. Евтихов, Т.В. Трепашко. — СПб.: Речь, 2005.

²⁶ *Антоний, митрополит Сурожский.* Встреча / Антоний, митрополит Сурожский. — М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2010. — С. 132–143.

непригоден, от такого-то бывают неприятности, а от такого-то их не бывает; если хочется получить тепло или дружбу, я к этому пойду, так же как я иду к печке, чтобы согреться, или в булочную за хлебом, — и все, и ничего другого. Таково постоянное отношение каждого из нас к большинству людей. Значит, объективного существования мы за ними не признаем.

По отношению к какому-то числу людей мы бываем милостивы, милосердны, дружелюбны. Но обычно наше внимание к этим людям тоже не намного отличается от заботы о дорогих для нас вещах: как мы их чистим или натираем воском, также одариваем и улыбкой или добрым словом. Однако дело не в том, как мы обращаемся с предметами вокруг нас, а в том, чтобы признать за каждым человеком право быть самим собой, а не частью нашей жизни. И это настолько трудно, что приходится специально учиться. Чтобы каждого человека, с которым пересекается наша жизнь — *встретить*, надо развивать в себе способность каждого человека *увидеть*, каждого человека *услышать* и, кроме того, признать, что он имеет *право на существование*...

Мы часто говорим, что справедливость заключается в том, чтобы уделять другому человеку то или иное. Справедливость начинается не тут, справедливость начинается там, где мы говорим, что этот человек существует совершенно вне меня, что он имеет право существовать совершенно вне меня и даже против меня, он имеет право быть самим собой, как бы это ни оказалось неудобным, мучительным, убийственным для меня. Если эту меру справедливости мы не применяем, тогда все остальное — подачки, а не справедливость. Это раздача каких-то наград, каких-то благ, но не отношения с человеком. И вот, значит, первое: признать за человеком его право на собственное существование, развить в себе способность отстраниться и посмотреть на человека — не по отношению к самому себе, а увидеть человека в нем самом: каков он? что он? — и сообразить (чего мы не любим делать), что если бы нас вообще и на свете не было, он бы все равно существовал...

Во вторых, надо уметь смотреть, чего мы тоже не умеем. Мы все умеем глядеть перед собой и что-то воспринимать, но что мы видим? Мы видим два рода вещей: те, которые нам сродни, которые нам подходят, и те, которые нас отталкивают; человек нам или симпатичен, или нет. Но эти две крайности, или два аспекта человека его отнюдь не исчерпывают. Он не сводится к тому, что в нем есть вещи, которые нам нравятся и которые не нравятся, вещи, для нас опасные или благотворные. Но чтобы видеть человека безотносительно к себе самому, надо уметь отрешиться от себя...

Надо научиться и слушать. Это тоже трудно, потому что слушать — значит согласиться на то, чтобы содержание другого человека стало нашим достоянием без процеживания. Слушать человека, не откидывая то, что тебе не сродни, что тебе оскорбительно, отвратительно, что для тебя неприемлемо. Слушать по-настоящему — это значит приобщиться, принять в себя все, что этот человек изольет, и это пережить именно в какой-то тайне приобщенности, общности жизни. Так, например, те люди, которые любят музыку, — отдают себя ей, открываются ей, чтобы потоки чужого опыта стали через музыку их достоянием. Но это гораздо труднее делать, когда человек говорит прозой и говорит о вещах, которые сами по себе совсем неприглядны или ранят. Для этого надо согласиться — сначала на какую-то долю, а потом на окончательную, полную приобщенность этому человеку.

И вот из этого получаются встречи. Встречи могут быть очень разными. Есть встречи животворные, есть встречи терзающие, драматические. Но как бы то ни было, в каждой настоящей встрече нам дано прозреть что-то в человеке.

Есть встречи особо рода — Богоданные встречи. Богоданность открывается в знаке, который никто не может ни с чем перепутать, — в любви. Любовь сказывается вот в чем: в человеке мы вдруг прозреваем что-то, чего никто не видел; человек, который проходил незамеченный, оставленный, отброшенный, чужой, человек, который был просто в массе

человечества, вдруг нами замечается, делается значительным, *единственным* — и приобретает в этом смысле окончательное значение...

Часто бывает, что мы на человека посмотрели и прозрели вечное сияние в нем; а потом вглядываемся больше, больше, больше — и видим все более, и более, и более поверхностные его слои; и, начав с видения внутреннего человека, мы кончаем видением его физического «я», умственных способностей, сердечных или других дарований, и нам это закрывает то, что в глубине есть, было и всегда будет. Идет время; многое проходит мимо: другие встречи, другие обстоятельства — все это может заставить потускнеть то ясное и яркое видение, которое случилось, когда два человека друг на друга посмотрели через свет любви.

И вот тут человек должен сказать: нет, то, что когда-то я увидел, более истинно, более несомненно, чем тот факт, что сейчас я этого не вижу... И это очень важно. Потому что единственность встречи-любви абсолютна, и ее надо защищать от слепоты, от опьянения, которое нас охватывает, от неспособности воспринимать снова и вновь человека с изначальной, первичной яркостью этого видения... И тут вопрос не в том, чтобы стиснуть зубы и сказать: умру, но останусь верен своей первой любви, а в том, что человек должен сказать: я живу верой; то, что когда-то было мне показано, это видение вечное, и я не дам ничему себя обмануть, я никого и ничего не поставлю на один уровень с этим: это — *единственный*, все остальные — *другие*.

Уникальность встречи-любви — в ее способности разрушать замкнутость человека на самом себе. Любить — значит перестать видеть в себе самом центр и цель существования. Любить — значит увидеть другого человека и сказать: для меня он драгоценнее меня самого. Это означает: постольку, поскольку нужно, я готов не быть, чтобы *он* был. В конечном итоге, полюбить — значит умереть для себя самого совершенно, так, что и не вспомнишь о себе самом, — существует только другой, по отношению к которому мы живем. Тогда уже нет самоутверждения, нет желания заявить о своих правах, нет желания существовать рядом и помимо другого, а есть только устремленность к тому, чтобы *он* был, чтобы он был во всей полноте своего бытия.

Пока человек *не отмечен чьей-то любовью*, он существует ограниченно, т. е. в самом себе, и утверждает себя по контрасту с другими — против другого или по различию: я — не ты, и я есмь. Но в тот момент, когда человек оказывается **найденным** чьей-то любовью, ему уже не нужно утверждать свое бытие, ему уже не нужно противопоставлять себя другим, потому что он стал *единственным*; а единственный — вне сравнения, он просто неповторим, он — без-подобен. К этому и должны вести наши встречи.

К теме «Любовь»

Искусство любить

По: Фромм Э. Искусство любить²⁷

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь — это приятное чувство, испытать которое дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи.

Большинство людей сегодня, несомненно, исходят из второй посылки...

Не то чтобы люди считали любовь делом неважным. Они ее жаждут, они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливых и несчастных любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта особая установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании имеют тенденцию способствовать ее сохранению.

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то, не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви — это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви или оказаться любимым этим объектом, трудно.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви.

Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, продолжает оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противоположного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь. Если бы это касалось какой-либо иной деятельности, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви — исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, — это осознать, что любовь — это искусство, такое же, как искусство жить: если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому

---

²⁷ Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. — М., 2000. — С. 5–7.

другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

Во-вторых, важно понять, что любовь — это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным ближним, его любовь — это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Поскольку они не понимают, что любовь — это активность, сила духа, они думают, что главное — это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнить с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дождаться правильного объекта; и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

О любви

По: Митрополит Антоний (Сурожский). Таинство любви²⁸

Любовь — удивительное чувство, но оно не только чувство, оно — *состояние* всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность. Конечно, когда я говорю: «Я вижу», я не хочу сказать «постигаю умом» или «вижу глазами», но — «постигаю всем своим существом». Если можно дать сравнение, то так же я постигаю красоту, например, красоту музыки, красоту природы, красоту произведения искусства, когда стою перед ним в изумлении, в безмолвии, только воспринимая то, что передо мной находится, не будучи в состоянии выразить это никаким словом, кроме как восклицанием: «Боже мой! До чего это прекрасно!..» Тайна любви к человеку начинается в тот момент, когда мы на него смотрим без желания им обладать, без желания над ним властвовать, без желания каким бы то ни было образом воспользоваться его дарами или его личностью, — только глядим и изумляемся той красоте, что нам открылась.

Когда я нахожусь лицом к лицу с человеком, которого вижу глазами любви, не глазами безразличия или ненависти, а именно любви, то я приобщаюсь этому человеку, у нас начинается нечто общее, общая жизнь. Восприятие человека происходит на глубине, которая за пределами слов, за пределами эмоций. Верующий сказал бы: когда я вижу человека в этом свете, в свете чистой любви, то я вижу в нем *образ Божий*, икону. Знаете, каждый из нас представляет собой икону, образ Божий, но мы не умеем соответственно относиться друг к другу. Если бы только мы могли вспомнить, что перед нами икона, святыня!..

Это совсем не значит, что такая икона во всех отношениях прекрасна. Мы все знаем, что порой случается с картиной великого мастера, или с иконой, или с любым произведением искусства, с любой формой красоты: любая красота может быть изуродована — небрежность, обстоятельства, злоба могут изуродовать самый прекрасный предмет. Но когда перед нами произведение великого мастера, картина, которая была

---

²⁸ Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви / Митрополит Антоний Сурожский. — Клин, 2004. — С. 5–9, 26–31.

отчасти изуродована, осквернена, мы можем в ней увидеть либо испорченность, либо сохранившуюся красоту. Если мы смотрим на эту картину, на любое произведение искусства глазами изумленной любви, то видим прекрасное, а об остальном можем горевать, плакать. И мы можем решить, порой, всю жизнь отдать на то, чтобы все поврежденное в этом образе, в этой картине, в этом произведении искусства — восстановить. Это дело любви: посмотреть на человека и одновременно увидеть в нем его неотъемлемую красоту — и ужаснуться тому, что жизнь сделала из него, совершила над ним. Любовь — это именно и есть крайнее, предельное страдание, боль о том, что человек несовершенен, и одновременно ликование о том, что он так изумительно, неповторимо прекрасен. Вот если так посмотреть на человека хоть один раз, можно его полюбить, несмотря ни на что, вопреки всему, что бросается в глаза другим людям.

Как часто бывает, что любящему другого кто-нибудь скажет: «Что ты в нем нашел? Что ты в ней нашел?» — и человек дает совершенно бредовый ответ: «Да разве ты не видишь, до чего она прекрасна, до чего он красив?..» И оказывается: да, так оно и есть, этот человек прекрасен, потому что любящий видит красоту, а нелюбящий или безразличный, или ненавидящий видит только раненность. Вот об этом очень важно не забывать. Чрезвычайно важно помнить, что любовь реалистична до конца, что она объемлет человека всецело и что она видит, она зряча, но вместо того, чтобы осуждать, вместо того, чтобы отречься от человека, она плачет над изуродованностью и готова жизнь положить на то, чтобы все болезненное, испорченное было исправлено и исцелено <...>

Мы все думаем, будто знаем, что такое любовь, и умеем любить. На самом деле очень часто мы умеем только *лакомиться* человеческими отношениями. Мы думаем, что любим человека, потому что у нас к нему ласковое чувство, потому что нам с ним хорошо; но любовь — нечто гораздо большее, более требовательное, и, порой, трагичное.

В любви есть три стороны. Во-первых, человек любящий дает, *хочет давать*. Но для того, чтобы давать, для того, чтобы давать совершенно, давать, не делая получающему больно, нужно *уметь* давать. Как часто бывает, что мы даем не по любви, настоящей, самоотверженной, щедрой любви, а потому, что, когда мы даем, в нас нарастает чувство своей значительности, своего величия. Нам кажется, что давать — это один из способов утвердить себя, показать себе самому и другим свою значительность. Но получать от человека на этих условиях — очень больно. Любовь только тогда может давать, когда она забывает о себе; когда человек дает, как один из немецких писателей сказал, как птица поет, от избытка своего: не потому, что требуется, вынуждается у него дар, а потому, что давать — это песнь души, это радость, в которой можно себя забыть для радости другого человека. Такая любовь, которая умеет давать, гораздо более редка, чем мы воображаем.

С другой стороны, в любви надо уметь получать; но получать, порой, гораздо труднее, чем давать. Мы все знаем, как мучительно бывает получить что-нибудь, испытать благодеяние от человека, которого мы или не любим, или не уважаем; это унижительно, оскорбительно. Мы это видим в детях: когда кто-нибудь, ими не любимый, кто-нибудь, в чью любовь они не верят, дает им подарок, им хочется растоптать подарок, потому что он оскорбляет самую глубину их души. И вот для того, чтобы уметь давать и уметь получать, нужно, чтобы любовь дающего была самозабвенной, а получающий любил дающего и верил безусловно в его любовь. Западный подвижник Венсан де Поль, посылая одну из своих монахинь помогать бедным, сказал: «Помни — тебе нужна будет вся любовь, на которую способно твое сердце, для того, чтобы люди могли тебе *простить твои благодеяния...*» Если бы мы чаще это помнили, мы меньше удивлялись бы, что окружающие без радости, иногда со сжимающимся сердцем обращаются к нам за помощью.

Но даже там, где и давать, и получать — праздник, радость, есть еще одна сторона любви, которую мы забываем. Это — *жертвенность*. Не в том смысле, в котором мы обычно о ней думаем; например, что человек, который любит другого, готов на него

работать, лишая себя чего-нибудь, чтобы тот получил нужное; что родители могут себя лишать необходимого ради того, чтобы дети были сыты и одеты и иногда получали радость от подарка. Нет, та жертвенность, о которой я говорю, более строга, она относится к чему-то более внутреннему. Она заключается в том, что человек готов по любви к другому отойти в сторону. И это очень важно. Ведь порой бывает так между мужем и женой: они друг друга любят сильно, крепко, ласково, радостно. И один из них ревнует мужа или жену — не по отношению к кому-нибудь, который вот тут, теперь может поставить под вопрос их любовь, а по отношению к прошлому. Например, отстраняются друзья или подруги детства; отталкиваются куда-то вглубь воспоминаний переживания прошлого. Тому, кто так безумно, *неумно* любит, хотелось бы, чтобы жизнь началась только с момента из встречи. А все то, что предшествует этому, все богатство жизни, души, отношений кажется ему опасностью; это что-то, что живет в душе любимого человека помимо него.

Но человек не может начать жить с какого-то, даже самого светлого дня встречи с любимым, дорогим человеком. Он должен жить с самого начала своей жизни. И любящий должен принять тайну прошлого как тайну и ее уберечь, ее сохранить, должен допустить, что в прошлом были такие отношения любимого человека с родителями, с друзьями, с подругами, такие события жизни, к которым он не будет причастен, иначе как оберегающей, ласковой, почтительной любовью.

К теме «Брак»

Брак и монашество

По: Митрополит Антоний (Сурожский)²⁹

В Церкви существуют два института, которые кажутся противоположными друг другу: это брак и монашество. Вместе с тем для всякого человека, который принадлежит Церкви, является ее членом, живет ее жизнью, совершенно ясно, что противоречий в ее жизни быть не может. И на самом деле, если продумать вопрос о браке и монашестве в их существе, делается ясно, что брак и монашество — как бы два лика одной и той же Церкви.

В браке единство бросается в глаза: двое соединяют свою судьбу так, чтобы весь свой земной путь пройти вместе. В монашестве человек отходит от той личной человеческой близости, которая составляет радость и полноту брака, как бы в предвкушении того времени, когда Бог победит, когда победит все, что есть лучшего в человеке. Да, монах отказывается от личной человеческой близости, но он не отказывается от любви: во-первых, от любви к Богу, во-вторых, от любви к человеку.

Монахом может стать только такой человек, который осознал и воспринял достаточно глубоко трагизм мира; для которого страдание мира настолько значительны, что он готов о себе позабыть совершенно для того, чтобы помнить о мире, находящемся в страдании, в оторванности от Бога, в борении; и для того, чтобы помнить о Самом Боге, распятом по любви к миру. И поэтому уход в монашество далеко не означает бегства из мира.

Мне вспоминается послушник Валаамского монастыря, о котором рассказывал мой духовник. Он пятьдесят лет пробыл в монастыре, но так и не согласился на постриг. Он прошел целую жизнь подвига, но считал себя не готовым к монашеству. Мой духовный отец, тогда еще мирянин, искавший свой путь, спросил его: «Что же такое монашество, кто такой монах, что ты не можешь стать им, хотя ведешь монастырскую жизнь?» И тот ответил: «Монах — это человек, который всем сердцем скорбит и плачет над горем мира, и к этому я еще не пришел».

И в монашестве, и в браке корень всего — в любви...

Если вдуматься в основные черты взаимного отношения брака и монашества, то легко увидеть в них много сходного. Первый обет, который дает монах при пострижении, первый ответ на вопрос постригающего: «Обязуешься ли ты пребывать в этом братстве до твоей смерти?» — воспринимается обычно, согласно практике и опыту Церкви, как обязательство, вступив в братство, его не покидать, вступив в монастырь, из него не выходить. Но за этим стоит, конечно, гораздо больше; за этим стоит верность и устойчивость: верность первой или окончательной своей любви и устойчивость, то есть готовность, каковы бы ни были обстоятельства, остаться лицом к лицу с теми, кого выбрала наша любовь. Эта устойчивость для монаха значит, что он будет стоять перед лицом Божиим, каково бы ни было его настроение, каковы бы ни были обстоятельства.

В брачной жизни мы говорим о верности брачной, и это, в сущности, тоже обет такой устойчивости <...>

---

²⁹ Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви / Митрополит Антоний Сурожский. — Клин, 2004. — С. 16–19; Митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом / Митрополит Антоний Сурожский. — М.: Паломник, 2000. — С. 224–231.

... Мы говорим о монашеских обетах бедности, послушания, целомудрия. Но ведь они так же реальны в брачной жизни, как они реальны в жизни монашеской! Бедность как материальное состояние — только один из аспектов подлинной бедности. Иоанн Златоуст говорит, что беден тот, кто вожделевает того, чего у него нет. Человек может быть бесконечно богатым, но если ему страстно хочется того, чего у него нет, все имеющееся богатство в его глазах — ничто, он бедняк. С другой стороны, человек, который даже очень беден материально, но не ищет ничего, может чувствовать себя богатым (...)

Следующий обет монашества — о послушании. Послушание мы всегда понимаем как подчиненность, подвластность... Но послушание есть в своей основе что-то совершенно иное. Послушание — это то состояние человека, который слушает, прислушивается, который склоняет свой слух, с тем, чтобы услышать... Послушание — это живое, стремительное желание человека все воспринять: не только услышать слова, но уловить мысль; не только уловить мысль, но понять, почему эта мысль родилась и нашла себе выражение, из каких глубин опыта человека идут эти слова.

Так относится послушник, молодой монах к своему старцу, но так относится и старец к своему послушнику и к своему наставнику, потому что только тот может учить другого и вести, кто сам является учеником и послушником. В конечном итоге, послушание человеку должно пойти гораздо дальше, чем этот человек; вслушиваясь в то, что говорит старец, послушник должен услышать то, что Бог через этого старца ему говорит. Не случайно в Евангелие говорится: «Один у вас Наставник — Христос» (Мф. 23:10)...

Но этот закон послушания, это прислушивание, внимание к другому человеку является также законом всех человеческих отношений, и особенно брачных. Если два человека, вступившие в брак, через пристрастие, через ослепленность друг другом не превратят один другого в идола, закрывающего им Бога, если оба будут одновременно прислушиваться друг к другу и вслушиваться в Бога, становятся прозрачными Божию воздействию, так чтобы свет Божий мог пролиться на возлюбленного, тогда осуществляется та же самая заповедь послушания...

И, наконец, одно слово о целомудрии. О целомудрии мы всегда думаем в телесных категориях. Мы говорим часто о грехах плоти, и забываем слово, еще в V веке сказанное одним подвижником: «Грехи плоти — это те грехи, которые совершает наш совратившийся дух против нашей невинной плоти»... Целомудрия нельзя достичь одной сдержанностью или дисциплиной тела. Можно достичь его только особым подходом, когда мы в другом — верой и любовью — прозреваем человека, возлюбленного Богом, сотворенного для вечной жизни, искупленного жизнью, страданиями и смертью Христа, человека, которого Бог нам поручил, чтобы мы ему открыли путь вечной жизни. В момент, когда мы на человека так можем смотреть, мы делаемся целомудренными и в мыслях, и в плоти; и это единственный способ, который может до конца нас уцеломудрить. Но это отношение — не физическое, это отношение духовное; и оно имеет место не только в монашестве, но и в браке, потому что в браке муж и жена должны осознавать, что они друг другу даны Богом, Который их взаимно друг другу поручил, чтобы они друг друга оберегли, сохранили, освятили, открыли друг другу путь вечной жизни...

К теме «Гражданский брак»

Идеологические предпосылки идеи «гражданского брака»

По: Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль³⁰

Без любви человечество чувствует себя обокраденным, обделенным, нищим. Нет никакого сомнения, что любовь станет культом будущего человечества. И сейчас, чтобы бороться, жить, трудиться и творить, человек должен чувствовать себя «утвержденным», «признанным». «Кто себя чувствует любимым, тот себя чувствует и признанным; из этого сознания рождается высшая жизнерадостность». Но именно этого признания своего Я не знает современное человечество, переживающее острый любовный кризис.

Любовный кризис тем острее, чем меньше запас любовной потенции, заложенной в человеческих душах, чем ограниченнее социальные скрепы, чем беднее психика человека переживаниями солидарного свойства.

Причина любовного кризиса — в современной форме брака. Современная форма брака беднит душу и никоим образом не способствует накоплению запасов «великой любви» в человечестве.

Каковы главные несовершенства современного брака? В его основу положены два одинаково ложных принципа: нерасторжимость, с одной стороны, представление о «собственности», о безраздельной принадлежности друг другу супругов — с другой.

Необходимы новые формы брачных отношений, повышающие сумму «любовной потенции» человечества...

«Большая любовь» — редкий дар судьбы, выпадающий на долю немногих избранных. Великая волшебница «большая любовь», расписывающая чарующими солнечными красками нашу серую жизнь, лишь скупое касается сердец своим зачаровывающим жезлом; миллионы людей никогда не знавали всеислия ее колдующих чар. Что делать этим обездоленным, обойденным? Обречь их на холодные супружеские объятия без Эроса? На пользование проституцией? Ставить перед ними, как это делает современное общество, жестокую дилемму: либо «большая любовь», либо «эротический голод»?

Есть другой путь: там, где отсутствует «большая любовь», там ее заменяет «любовь-игра». Чтобы «большая любовь» стала достоянием всего человечества, необходимо пройти трудную, облагораживающую душу «школу любви». Такой школой является «любовь-игра». «Любовь-игра» — это способ накопления в человеческой психике «любовной потенции».

«Любовь-игра» в различных своих проявлениях встречалась на всем протяжении человеческой истории. В общении между древней гетерой и ее «другом», в «галантной любви» между куртизанкой эпохи Возрождения и ее «покровителем-любовником», в эротической дружбе между вольной и беззаботной, как птица, гризеткой и ее «товарищем»-студентом нетрудно отыскать основные элементы этого чувства.

«Любовь-игра» предъявляет высокие требования к партнерам. Люди, сошедшиеся исключительно на почве обоюдной симпатии, ждущие друг от друга лишь улыбок жизни,

---

³⁰ Коллонтай, А.М. Любовь и новая мораль / А.М. Коллонтай //Философия любви: сб. — Ч. 2. — М., 1990.

не позволят безнаказанно терзать свои души, не пожелают мириться с небрежным отношением к своей личности, игнорировать свой внутренний мир. «Любовь-игра», не исходя из принципа «безраздельного» обладания, приучает людей отдавать лишь малую частицу своего «я», она способствует, как никакая другая форма любви, самосохранению индивидуума.

...Наше время отличается отсутствием «искусства любви»; люди абсолютно не умеют поддерживать светлые, ясные, крыленные отношения, не знают всей цены «эротической дружбы». Любовь — либо трагедия, раздирающая душу, либо пошлый водевиль. Надо вывести человечество из этого тупика, надо выучить людей ясным и необременяющим переживаниям. Только пройдя школу «любви-игры», сделается психика человека способной воспринять «великую любовь», очищенную от ее темных сторон...

...Общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора. Как идеал остается моногамный союз, основанный на «большой любви». Но «не бессменный» и застывший. Чем сложнее психика человека, тем неизбежнее «смены». «Конкубинат», или «последовательная моногамия» — такова основная форма брака. Но рядом — целая гамма различных видов любовного общения полов в пределах «эротической дружбы».

Второе требование — признание не на словах только, но и на деле «святости» материнства. Общество обязано во всех формах и видах расставить на пути женщины «спасательные станции», чтобы поддержать ее морально и материально в наиболее ответственный период ее жизни.

Наконец, чтобы более свободные отношения не несли за собою «ужаса опустошения» для женщины, необходимо пересмотреть весь моральный багаж, каким снабжают девушку, вступающую на жизненный путь.

Все современное воспитание женщины направлено на то, чтобы замкнуть ее жизнь в кругу семьи. Надо распахнуть перед женщиной широкие ворота всесторонней жизни, надо закалить ее сердце, надо бронировать ее волю. Пора научить женщину брать любовь не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное Я. Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душой. Уже брезжит свет, уже намечаются новые женские типы — так называемых «холостых женщин», для которых сокровища жизни не исчерпываются любовью. В области любовных переживаний они не позволяют жизненным волнам управлять их челноком; у руля опытный кормчий — их закаленная в жизненной борьбе воля. И обывательское восклицание «У нее есть прошлое!» перефразируется холостой женщиной: «У нее нет прошлого — какая чудовищная судьба!»

Пусть не скоро еще станут эти женщины явлением обычным, пусть не сразу прекратится затяжной кризис пола, уступая место «морали будущего», дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь...

Примеры реализации на практике принципа А.М. Коллонтай: «Женщина должна служить интересам класса, а не семье»

Об «изъятии женщин из частного владения...»³¹

*Из декрета Саратовского Губсовнаркома об отмене частного владения женщинами:
«Брак является продуктом социального неравенства, которое должно быть с корнем вырвано.*

³¹ Сайт Вениамина Башлачева. «Демография для всех» (август 2009). Глава 11: Начало поражений в сдвиге морали.

Саратовский Губернский Совет постановил:

- 1. Съ 1 января 1918 года отменяется право постоянного владения женщинами, достигшими 17 лет и до 30 лет.*
- 2. Действие настоящего декрета не распространяется на замужних женщин, имеющих пятерых или более детей.*
- 3. За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право въ неочередное пользование женой.*
- 4. Отчуждаемые женщины под настоящим декретъ изъемаются изъ частного постоянного владения и объявляются достоянием всего трудового народа.*
- 5. Распределение заведования отчужденныхъ женщинъ предоставляется Губернскому, Уезднымъ и Сельскимъ Сов. Раб. Солд. и Крест. Депутатовъ по принадлежности.*
- 6. Граждане мужчины имеютъ право пользоваться женщиной не чаще четырехъ разъ в неделю и не более 3-хъ часов.*
- 7. Каждый мужчина, желающий воспользоваться экземпляромъ народного достояния, долженъ представить отъ рабочезаводскаго комитета или профессиональнаго союза удостоверение о принадлежности своей къ трудовому классу».*

Копия документа из архивного
дела № 15554-П в Орловском УФСБ.

К теме «Род. Родня. Родословная»

Идея новой научной области — философии генеалогии

По работам П.А. Флоренского

Выдающийся мыслитель, ученый-энциклопедист Павел Александрович Флоренский (раскрывший в своих гениальных работах «Столп и утверждение истины», «Мнимости в геометрии» — для сомневающегося ума современного человека — религиозные постулаты о существовании «того света», о бессмертии человеческой души как *убедительные научные гипотезы*) наметил пути и к новой научной области — *философии генеалогии*.

В монографии «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» П.А. Флоренский вводит понятие духовного генетика и определяет законы его бытия: «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки. Каждое время жизни ценно по-своему, однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, пред ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить».

Интерес к своим предкам, к истории своего рода философ считал жизненной задачей всякого человека, стремящегося постигнуть свою роль и место в истории сменяющихся поколений и смысл появления на свет Божий: «Только при родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае — за предмет пустого тщеславия, а в лучшем случае за законный, исторически заработанный повод к гордости».

П.А. Флоренский был одним из лучших генеологов-исследователей, являя собой редкий образец собирателя истории своего рода. По его мнению, семейный быт нашего народа отличался особенной цепкостью по отношению к родовым преданиям, крепкой родословной традицией. Философ считал, что история рода должна давать нравственные уроки и задачи. Определить свое место и задачу в роде, преумножить достижения рода — обязанность каждого человека.

О роде и родовом чувстве

По: Ничипоров Б.В. Архетипическая структура семьи³²

Октябрьский переворот и последующие события деформировали у многих из нас родовое чувство. Родовое чувство, как известно, было всегда сильно, но известные исторические катаклизмы — уничтожение сословий, искусственное прерывание российской истории (осознание нашей истории после 17 года как чего-то совершенно

---

³² Ничипоров, Б.В. Таинство брака и семьи: космология домостроительства / Б.В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию. — М., 1994. — С. 112–113.

нового — «отречемся от старого мира») и, кроме того, возникшие во множестве нравственные и идеологические противоречия между отцом и детьми, не говоря уж о развале российской семейственности, — все это вкупе ослабило родовое чувство. А это вроде бы плохо, так как род — это всегда фундамент, это психо-биологический, культурный, экономический капитал для каждого сына в его становлении как отца.

Однако давайте вспомним родословную Иисуса Христа у евангелиста Луки. *Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев... Иосиев, Симеонов... Аврамов... Еносов, Сифов, Адамов, Божий* (Лк. 3, 23–38). Эта родословная говорит нам о том, что в духовном смысле род только тогда имеет корень, когда он *обожен*, одухотворен. Отсутствие или снижение духовности рода ведет к снижению энергетики рода. Это выражается, скажем, буквально в том, что у нас сейчас нет ни духовных, ни физических, ни душевных сил рожать много детей. Часто это один ребенок в семье.

Отсутствие чувства рода, «зова предков» вовсе не должно повергать нас в уныние. Животворную энергию и духовные силы можно и нужно черпать прямо в Церкви Божией: подлинный род, очищенный веками, — это для нас род Христов. В одном из песнопений, прославляющих Божию Матерь, поется: *Ты бо еси спасение рода христианского.*

Родство по браку

По: Валентина Пономарева. Кем приходится жена мужниной родне?
Кем приходятся жене родственники ее мужа?³³

Вступление в брак — в старинной отечественной традиции — означало расширение родственных связей: к кровному родству добавлялось родство по браку. Какой статус получала молодая жена, становясь членом семьи своего мужа, и кем приходились ей ее новые родственники?

Согласно большинству источников, вступая в дом супруга, недавняя невеста превращалась в невестку. Таковой она становилась для родителей мужа, и для его сестер-братьев. Жены братьев — между собой — также были невестками.

Слово «невестка» очень близко к слову «невеста». По ряду версий, в основе своей это связано с обычаями, зародившимися еще при родовом строе, когда в жены брали девушек из дальних поселений. Известно об избраннице было мало, потому и звалась она «невесть кто» (т. е. неведомая), и это понятие стало прототипом более позднего наречения просватанной девушки «невестой». Входя в дом мужа, молодая жена не могла не раскрыть свой характер в ходе совместной жизни, что и нашло отражение в добавлении суффикса «к» (имеющего пренебрежительный оттенок) к слову «невеста». Получилось — «невестка».

Кем же приходились невестке ее новые родственники?

Ключевые фигуры — родители супруга — становились свекрами (свекром и свекровью).

Происхождение понятий «свекра» и «свекрови» трактуется по-разному. Самой убедительной является точка зрения, согласно которой обобщенное понятие свекров (как матери, так и отца мужа) возникло из выражения «свед-кровь», сведённая (соединенная) кровь, в смысле — породнившаяся. Свекрам отводилась особая роль в брачных ритуалах. Либо отец, либо мать жениха участвовали в обряде «покрывания» невесты, точнее в снятии с нее покрывала в присутствии всех родственников, символизировавшим новое рождение молодой женщины: переход ее из одного социального статуса в другой, прием

³³ Валентина Пономарева. Школа Жизни РУ — Познавательный журнал.

новобрачной в семью мужа и приобщение ее к новому дому. После снятия покрывала (фаты), косы прятали под головной убор (косник), подобающий замужней женщине.

Родители супруга считались для жены богоданным отцом и богоданной матушкой. Их слово должно было быть для нее законом. Перечить им, разумеется, не дозволялось, — только почитать, величая со всевозможной кротостью и благодушием: «Свекор-батюшка, мой застоюшка, свекровь-матушка, заборонушка».

В свадебной песне невесту наставляли:

*Назови золовшек всех по имени,
Назови деверьев всех по отчеству,
Назови свекровушку «Свекры-матушка»,
Назови свекра «Свекор-батюшка»,
Назови ты мужа «Милый мой дружок».*

Хотя по пословице: «первая зазнобушка — свекор да свекровушка, другая зазнобушка — деверь да золовушка», заметим, что начинается перебор новых родственников с сестер и братьев новобрачного. Это не удивительно — именно с ними молодой придется проводить больше всего времени в новой семье, прежде всего, в хозяйственных делах и заботах.

Как свекор и свекровь считались для молодой жены их сына богоданными родителями, так золовки и деверья становились богоданными сестрицами и братцами.

«Золовкой» сестру мужа называли по обряду «золования», когда она осыпала новобрачную золой из родной печки. Отношения молодой с мужниной сестрой частенько не складывались; по этому поводу народ сочинил: «Невестка и золовка живут неловко». А почему? Одно из расхожих объяснений: золовка наделялась правом командовать молодой и, пользуясь им, могла выставить ее в неприглядном свете. В народе говорили: «Золовка хитра на уловки», однако при этом добавляли: «Каковы золовки, таковы и невестки».

Семейный чин деверья имеет санскритское происхождение. На взгляд невестки, мужнин брат — в сравнении с сестрой — выигрывал: «Лучше восемь деверей, чем одна золовушка!» Сама она, однако, частенько пользовалась простодушием деверья, не проявляя о нем должной заботы. Жесткосердным молодым приписывали: «Нет нужды невестке, что деверь не ел: хоть ешь, хоть сохни, хоть так издохни».

Вхождение в семью мужа для молодой жены часто было непростым делом. В рязанских краях невестку, с трудом отрывавшуюся от родительского дома, называли «двуххвосткой».

О доле невестки в народном фольклоре сказано немало. Вот, к примеру, наиболее характерные пословицы: «Кошку бьют — невестке наветки дают» (т. е. намекают на вполне определенное ее место в новом доме), «Чай устала моловши, невестушка, поди-ка, потолки!» (мол, лучший отдых — это смена вида деятельности), «Пусть бы невестка и дура, только бы огонь пораньше дула» (главное, чтоб была работающая, хозяйственная, домовитая).

Несмотря на трудности вхождения в новый дом, роль невестки была очень важной. Молодая женщина воспринималась как символ будущего обильного плодородия, что нашло отражение среди календарных обрядов земледельческого цикла. Когда невестка впервые отправлялась на жатву, то первый сноп заворачивала в полотенце и передавала матери мужа. Его торжественно вносили в дом, украшали венками, а после обмолачивания освящали зерна и смешивали с теми, что приготавливались на посев в будущем году.

Некоторые источники считают понятие «невестка» полным аналогом понятию «сноха». Согласно словарю В. Даля: «сноха» — сыноха, сынова жена.

Однако более интересным представляется мнение о том, что невестка — это молодая жена, а сноха — жена «со стажем» (родившая ребенка). В пользу версии о том, что сноха, в отличие от невестки, более опытная жена (в первую очередь, потому, что производит на свет дитя), говорят этимологические связи слова «сноха». В том же словаре В. Даля одно из значений понятия «сносить» — терпеть. В семье мужа молодая жена действительно должна была «выдержать экзамен» на умение терпеть. Кроме того, широко известен оборот «быть на сносях» — т. е. скоро родить.

Более высокий статус снохи по сравнению с невесткой нашел свое отражение и в народных присловьях: «Сноха щедрее щедрого» (так как дарит семейству продолжение рода), «Первого сына женят отец да мать, а второго — сноха» (имеется в виду, что ее отзыв о родителях мужа воспринимается со всем вниманием).

* * *

Я за то, что сноха — это повзрослевшая невестка. А вы как считаете?

К теме «Семья: воспитание детей»

Воспитание мальчика

По: Б.В.Ничипоров. О христианской педагогике в России³⁴

Воспитание мальчиков в любой стране являет собой краеугольный камень педагогики. Результаты воспитания мальчиков определяют не только их личное благополучие и судьбу будущей семьи, но и судьбу всего рода, а также судьбу страны, Родины.

В воспитании мальчиков должны быть отчетливо выведены две основные линии:
— воспитание воинской доблести и чести;
— воспитание интеллигентности.

Воспитание воинской доблести и чести — это укрепление в мальчиках «воинского духа», фундаментом которого выступает *мужество*. Важным здесь является развитие в мальчиках таких качеств как *дисциплинированность*, *собранность*, *умение терпеть* и *преодолевать трудности* (холод, голод, усталость, неудобства и т. п.), — другими словами, преодолевать себя (свое желание телесного комфорта). Поэтому с мужеством всегда было сопряжено еще одно важнейшее личностное качество — это *жертвенность*. Презрение смерти (готовность положить жизнь свою «за други своя») начинается со способности преодолевать себя, свои телесные нужды.

Формы обучения, воспитывающие воинский дух, могут быть различными: начиная от спортивных секций и кончая туристическими походами и летними трудовыми лагерями. Немалую роль играет здесь и добрый пример взрослых, а также знакомство с идеалами отечественных героев-воинов: святым благоверным князем Александром Невским, А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым и другими.

Русское воинство исторически всегда было *добропобедным*: победы, которые доставляла русская армия своему народу были победами добра над злом. Это пошло еще со времен равноапостольного князя Владимира, который завещал своей дружине никогда не нападать, вести только оборонительные войны. Идеалом русского воинства также являлась — исходящая из Евангельских заповедей — *жалость к врагам*.

---

³⁴ Ничипоров, Б.В. О христианской педагогике в России / Б.В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию — М., 1994. — С. 155–165.

В понятие «*интеллигентность*» включается несколько составляющих.

Первой является **патриотизм**, любовь к Родине. Патриотизм — это, прежде всего, осознание русской земли как **своей**, это осознание себя ответственным за эту землю, за ее благосостояние, это осознание себя в диалоге с живой историей земли. Это, наконец, и осознание себя в ряду поколений, населявших эту землю. А именно: формирование ответственности за прямое наследование хозяйствования на земле, а также готовности простить (не осудить) ошибки отцам и дедам и искупить их своей жизнью. Последнее можно назвать **выпрямлением пути рода** (семьи) и народа в целом.

Интеллигентность включает также и близость с природой, чувство **своей** природы, любовь к ней — как созерцательную, так и деятельную.

Вместе с тем понятно, что интеллигентность — это вовлечение и освоение европейской и мировой культуры в целом. Путь к этому лежит, в том числе, через хорошее знание языка, туризм, знание мировой музыкальной культуры, литературы и истории мировых религий.

Особенность русского интеллигента часто связывают с разного рода сомнениями. Это нормально! И это не потому, что он безосновен, и не потому, что он сделал сомнение способом жизни. А потому, что сомнение для него — это повод обретения Истины. Он сомневается потому, что **пока** не видит Истины в полноте. Однако если сомнение стало способом мышления, то это приводит неизбежно к вырождению личности. А именно: к цинизму, унынию и отчаянию.

Интеллигентность часто отождествляют с соблюдением «правил приличия». Но это лишь внешние признаки интеллигентности. Разумеется, внешнее и внутреннее между собой тесно взаимосвязаны. Однако абсолютизация внешнего — т. е. *эстетство* — представляет собой серьезную опасность для гармоничного формирования внутреннего мира юноши.

Нередко родители стремятся «облагородить душу» ребенка занятиями искусством или наукой. Такие упования, как правило, оказываются тщетными. Успехи в искусстве формируют своеобразную утонченность, ведущую к депрессивности, нервности, демонстративности, тщеславию. А начитанность, многознание и осведомленность, к сожалению, не рожают **светлого ума**; не подкрепленные **духовностью**, они вырождаются в надменность, сарказм и нередко цинизм.

Во внутреннем мире человека важно выделять два уровня — душевный и духовный; соответственно, нужно говорить и о двух уровнях воспитательных задач: **воспитание душевности** и **воспитание духовности**, одухотворение.

Одухотворение приходит только через веру и религиозность. У мальчика с детства должна формироваться и укрепляться способность «глядения в себя», которое должно быть не просто самонаблюдением, но «самонаблюдением в Боге», склоняющим, с одной стороны, к покаянию, видению своего несовершенства, а с другой — не дающим унывать. Если мальчик занимается искусством или наукой, то эти занятия обязательно должны быть сопряжены с познанием Евангельских заповедей. Подлинные искусство и наука — произведения всех великих писателей, художников, ученых — *родом из Евангелия*. Если убрать эту основу и оставить только «верхушки» — великие произведения искусства и науки — вне ее основной Жизни, Энергетики и Фундамента, то человек не устаивает в чистоте, даже и посвящаясь в классику.

Воспитание духовности — укрепление в ребенке веры и религиозного чувства — чрезвычайно тонкое дело. Взрослый здесь обязательно должен давать личный пример. При этом проявляя стержневую черту интеллигентности: терпимость к любой мировоззренческой позиции на фоне спокойного и глубокого осознания своей.

Отсутствие духовного воспитания рождает праздность души. Праздность, пустота, не востребованность души возникает даже и при формальной загруженности детей в различных школах, секциях и кружках. Но свято место никогда не бывает пусто. Чисто

энергетически душа ребенка постепенно заполняется энергиями, имеющими безблагодатную, а часто и откровенно демоническую природу.

С этим связаны излишняя мечтательность и романтизм, сопряженные нередко с частичной потерей чувства реальности. Нереалистичные мечты ведут к депрессиям. Глубина депрессивности у многих сегодняшних детей все чаще сочетается с суицидальными тенденциями... И священникам приходится очень часто выслушивать горькую исповедь матери о той или иной трагедии в жизни сына и восклицания типа: «За что, ведь я все ему дала».

Воспитание девочки

По: Б.В.Ничипоров. О христианской педагогике в России³⁵

У современных девочек так же, как и у мальчиков, есть общий нравственный порок — праздность души. И просто механическая занятость в кружках и секциях, к сожалению, не решает проблему праздности, т. е. некоей пустоты души.

Чрезвычайно важным является восстановление подлинных идеалов русской девушки. Сегодня эта сфера смещена и доведена до абсурда.

Идеалы, которые культивирует общественное сознание, следующие. Первый расхожий идеал — **девушка как фотомодель**. Требуются хорошие внешность и фигура, белозубость, внешняя нахватанность и пр. Вообще, как бы исходной точкой всего является не сердце или ум, а бедро. Все должно быть от бедра и не выше бедра, и мысли, и желания, и чувства.

Второй идеал, который завоевывает сегодня огромную популярность, несмотря на очевидную его безнравственность — **девушка как блудница**. Само это занятие все менее и менее порицается в обществе. О печальных последствиях этого стиля жизни говорить не приходится. Любому педагогу и психологу они очевидны. И прежде всего — это потеря первоосновы, того главного, зачем девочка появляется на Свет Божий.

Православная Церковь искренне жалеет таких девушек. Среди них попадаются натуры страдающие и глубокие. И в Евангелии мы видим образы кающихся блудниц. А пример преподобной Марии Египетской — сначала блудницы, а затем великой святой, — лег в основу христианской нравственности как пример одновременно и милости Божией, и огромных возможностей человеческого духа, стремящегося к возрождению.

Основополагающим и положительным нравственным идеалом для русской девушки должен быть идеал **добропорядочной жены и заботливой матери**.

Безусловно, путь всякого человека полон тайн. И девушка может не выйти замуж или, будучи в замужестве, не иметь детей. Но по вере каждого человека Господь даст и сил понести **свой** крест.

Это не меняет главного направления нашей заботы. Именно такая, старая, как мир, установка на замужество и рождение детей и есть нравственно осмысленный подход в деле воспитания девочки.

В связи с этим главным охранительным нравственным чувством, которое всегда формировало облик русской девушки, было (и есть сегодня и будет всегда) **целомудрие**.

---

³⁵ Ничипоров, Б.В. О христианской педагогике в России / Б.В. Ничипоров // Введение в христианскую психологию. — М., 1994. — С. 165–169.

Понятно и ясно, что нерелигиозной девушке практически невозможно сегодня устоять в целомудрии. Так как при ярой экспансии разврата, буквально отовсюду, стыдливость будет восприниматься ею как невроз, закомплексованность и глупость. И лишь христианское братство успешно противостоит этому напору. Опыт показывает, что девушки и парни, воспитанные Церковью в воскресных школах, способны на чистую, романтическую любовь, у них сохранились стыдливость и стойкость по отношению к современному агрессивному и блудливому миру.

Кроме главного и фундаментального нравственного чувства у девочек — целомудрия, можно говорить и о других. Это терпеливость, жалость и милосердие. Это и хозяйственность, т. е. особая **домашность** девушки — будущей жены и хозяйки. Не углубляясь в многообразие характеров и типов, надо отметить, что одной из характернейших отрицательных черт сегодняшней женщины является **психологическая бездомность**. Сразу надо серьезно оговориться, что исключений здесь много. Известны женщины, которые любят, чувствуют и ведут свой дом. Ибо женщина и уют — это синонимы!

Поэтому речь здесь идет, скорее, о таинстве устроения самой души той или иной девушки или женщины. Та женщина, которая «сама не в себе» — именно она и не может, по-видимому, иметь дома. И обретение дома для женщины приходит параллельно с возвращением к себе, к святыне своей души...

Православная Церковь является кладезем великих примеров и идеалов для подражания. И для наших сегодняшних девочек и девушек таковым прежде всего является житие Самой Божией Матери. Ибо Пречистая Дева и есть Кладезь целомудрия и чистоты. Это также и святые образы жен-мироносиц, святых мучениц и преподобных. Назидает девушку-христианку жизнь и подвиг той святой, именем которой она наречена при крещении.

ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ
Анкета

Уважаемый респондент!

Калужским Научным Центром и КГУ им. К.Э.Циолковского проводится изучение восприятия современной молодежью христианских представлений о семейной жизни. Представления оформлены в виде 40 тезисов и заключены в анкету.³⁶ Несмотря на то, что эти представления являются традиционными для отечественной культуры, о многих из них Вы, возможно, впервые узнаете. Выразите, пожалуйста, свое отношение к этим представлениям, исходя из следующей системы оценок:

- 4 балла — «Я полностью разделяю данные представления. Об этом нужно обязательно знать всем молодым людям»;
- 3 балла — «Данные представления кажутся мне интересными и не лишены оснований»;
- 2 балла — «Данные представления вызывают у меня большие сомнения»;
- 1 балл — «С данными представлениями я категорически не согласен/согласна».
- Если смысл каких-то представлений для Вас оказался непонятен — поставьте 0 баллов.

Прежде чем работать с анкетой, сообщите, пожалуйста, о себе некоторые данные:

1. Пол: м / ж;
2. Возраст: _____ ;
3. Степень принятия решения о создании семьи:
  - а) собираюсь (надеюсь) это сделать в ближайшее время;
  - б) не планирую (не ожидаю) в ближайшем будущем такого события;
4. Отношение к (православной) религии³⁷:
  - а) верующие;
  - б) не верующие (атеисты)³⁸;
  - в) не определившиеся.

Работая с анкетой, пожалуйста, не торопитесь! Старайтесь отвечать вдумчиво!

³⁶ Тезисы-представления составлены на основе цикла бесед об укладе православной семьи, разработанного священником Ильей Шугаевым и изданного в форме книги «Один раз на всю жизнь».

³⁷ Если Вы исповедуете иную (не православную) религию, пожалуйста, уточните.

³⁸ Атеистом может быть и человек крещеный (обычно в раннем детстве).

СПАСИБО ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

АНКЕТА

Христианские представления о любви и семейной жизни	Баллы				
	4	3	2	1	0
1. Любовь и влюбленность — принципиально разные состояния					
2. Вступить в брак по любви — <i>невозможно!</i> Любовь — это состояние двух душ, которое возвращается в браке в течение многих лет совместной жизни. Молодые люди обычно вступают в брак по влюбленности					
3. Любовь — это не влечение. Основная характеристика любви — жертвенность					
4. Главная тайна семейной жизни — процесс обретения «единой плоти»: «Будут два в плоть едину»					
5. Любви нужно учиться; она не дается человеку сразу. Достижение состояния любви в браке зависит не от достоинств супругов, а от их желания <i>учиться любить</i>					
6. Состояние счастья — это ощущение себя <i>со-частью</i> чего-то большего, чем ты сам. Чтобы быть счастливым, необходимо <i>уметь соучаствовать</i> [в жизни других людей]					
7. Несчастье — это не горе. Это отсутствие ощущения себя со-частью чего-то большего, чем ты сам. Это состояние одиночества					
8. Фраза «Я люблю тебя» — по сути, ложна. Там, где есть понятия «Я» и «Ты» еще нет любви. Любовь начинается с появления понятия «Мы»					
9. Признание в любви может рассматриваться лишь как признание о <i>желании любить</i> , о готовности <i>нести ответственность</i> за судьбу другого человека. Поэтому признание в любви должно сопровождаться предложением о вступлении в брак, в котором эта любовь будет расти					
10. Полностью раскрыться человек может только в браке. Но бывает и так, что в браке человек не раскрывается, а закрывается. Если в браке супруги открыли друг в друге только плохое, то они не узнали друг друга до конца					
11. Главная задача брака — помогать супругу раскрывать лучшее в себе. Чтобы решить эту задачу, необходимы терпение и труд					
12. Искать и находить супруга нужно не только самому (по чувству влюбленности), но и с помощью старших (родителей или духовника), доверяя их жизненному опыту					
13. «Гражданский брак» — принципиально — не может привести к прочным семейным отношениям, к рождению настоящей любви между молодыми людьми. Ведь каждый из «супругов», по сути, занимает позицию:					

«Смотри! Чемоданы всегда стоят у дверей, чуть что — я уйду». «Притирка» между гражданскими «супругами» — невозможна					
14. Распад семьи происходит постепенно и начинается задолго до своего завершения в виде развода. Причиной распада семьи являются « <i>грехи против семьи</i> », совершаемые людьми					
15. Самый распространенный « <i>грех против семьи</i> » — стремление выставлять всем «напоказ» достоинства своей фигуры, соблазнять своим телом (для этого одевается соответствующая одежда, используется косметика). Ведь тело — это то, что составляет « <i>единую плоть</i> » с супругом					
16. Возникновение телесной близости до заключения брака — еще один « <i>грех против семьи</i> ». По [духовному] закону жизни между молодыми людьми вначале должна возникнуть <i>духовная связь</i> (обязательства верности, закрепленные браком), и лишь потом телесная близость					
17. Самый явный грех, разрушающий семью — это измена. Измена возникает не от непонимания в семье, а от стремления получать максимум удовольствия при минимуме затрат. Изменник <i>не хочет</i> любить по-настоящему; поэтому он никогда не сможет дать любви — лишь вымотает душу					
18. Использование противозачаточных средств — это сознательное отвержение Бога, это попытка человека противодействовать воле Бога. Ведь каждый ребенок — от Бога					
19. Использование противозачаточных очень серьезно вредит телесному здоровью супругов. Особенно страдает здоровье женщины. Рождение детей — это естественная способность женского организма; противодействие этой способности оборачивается для женщины болезнями детородных органов					
20. Супруги, пользующие контрацептивами, могут невольно совершить не один грех убийства, поскольку среди контрацептивов большую группу составляют <i>абортивные</i> — их действие связано не с препятствием зачатию, а с пресечением <i>уже зачавшейся</i> жизни					
21. Фраза « <i>Ребенок должен быть желанным</i> » не может служить оправданием абортов. Оправдывать аборт такой фразой может только глубоко эгоистичный человек, стремящийся не любить других людей, а манипулировать ими, исходя из своих желаний и интересов (вплоть до убийства)					
22. Ребенок должен <i>стать</i> желанным для родителей, даже если его появление (зачатие) оказалось неожиданным для них и нарушающим планы					
23. К зачатию ребенка нужно относиться с благоговением и подходить с молитвой. В каждой зачатии незримо присутствует Бог					
24. Между родителями и ребенком (даже еще не рожденным!) существуют не только телесные, но и духовные связи: мать не видит сына, но чувствует его боль; сын не видит греха родителей, но приобретает склонность к нему					
25. Мощная духовная связь между родителями и ребенком существует с момента зачатия. Все, что происходит с ребенком в утробе, будет отражаться на нем в течение всей жизни; впечатления от этого периода жизни самые глубокие					
26. Нормой семьи является наличие в семье 3–4 детей; семья, в которой 1–2 ребенка, это <i>малодетная</i> семья					

27. Сознательная малодетность — одно из проявлений родительского эгоизма. Людям, думающим только о себе, многодетная семья кажется адом					
28. В малодетной семье воспитывать ребенка намного труднее, чем в многодетной. Условия малодетной семьи способствуют формированию в ребенке эгоистичности, изнеженности, избалованности					
29. «Глава семьи» — это тот, кто берет на себя <i>ответственность за все, что происходит в семье</i> . Главой семьи является муж					
30. Главенство мужа в семье — это не данность, а <i>заданность</i> . Это <i>задача</i> , которая стоит перед мужем, и которую он должен решить. Главой семьи не становятся по факту регистрации брака. Чтобы стать главой семьи, мужчина должен быть мужественным					
31. Мужественность мужчины складывается из 3-х способностей: способности принимать решения, способности нести ответственность за себя и других, способности защищать					
32. Достижение семьей нормальной иерархии (когда муж является главой) должно являться заботой не только мужчины, но и женщины. Жена должна помогать мужу стать главой семьи, для этого ей нужно <i>быть женственной</i>					
33. Женское обаяние может быть истинным и ложным (чисто внешним). Истинное женское обаяние заключается в <i>чистоте души</i> ; от этого обаяния рождается настоящая любовь. Ложное женское обаяние опирается на внешнюю привлекательность (красивое тело, хорошие манеры и т. п.)					
34. Ложное женское обаяние может легко привлечь внимание мужчины, обворожить его и полностью подчинить своей воле. Однако это обаяние не может породить любовь: оно порождает не любовь, а телесное влечение (желание телесной близости)					
35. Сила женщины — в ее способности терпеть, ждать и давать тепло, не требуя ничего взамен (в способности к жертвенной любви)					
36. Хорошая (правильно устроенная) семья является гораздо лучшей средой для воспитания ребенка, чем общественные учреждения (детский сад или разнообразные студии)					
37. Ребенок не должен являться центром семьи и иметь особые привилегии. Привилегии ребенку (в силу того, что он маленький) невольно задерживают процесс взросления ребенка, а то и вовсе приводят к инфантилизму					
38. Причиной нарушений (отставания) в развитии детей является инфантильный характер детско-взрослых отношений. Не родители должны подстраиваться под детей и начинать с ними прыгать, скакать и играть в развивающие игры, а дети должны включаться во взрослую жизнь родителей. Ребенок будет взрослеть, только если он включен в жизнь взрослых					
39. Включаться в жизнь взрослых ребенок должен через совместный труд. Это самое надежное средство предупреждения отставания в развитии. Развивающие программы, психологические игры — это <i>искусственные средства</i> , необходимость которых вызвана искажением уклада современной семьи					
40. Семья должна занимать очень высокое место в системе ценностей человека. Она должна стоять намного выше общественного служения (работы, профессиональных достижений) и тем более — личных интересов. Только так можно построить хорошую семью.					

Научно-методическое издание

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ВОЙТЕНКО

Другой и Я

Программа подготовки молодежи к семейной жизни

Методическое пособие

Редакторы *Т.С. Кирина, Н.В. Солнцева*

Корректоры *Н.В. Солнцева, Т.Н. Ванюшина*

Дизайн обложки, компьютерная верстка *С.И. Захаров*

Подписано в печать 14.12.2010. Гарнитура «Times New Roman».

Формат 60×84/16. Объем   п.л. Тираж 300 экз. Б 2.